

Тальцы • 1(34) • 2010

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.
СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Г.Б. Красноштанов. Село Петропавловск в XVII веке 3

Л.Е. Холин, Ю.П. Лыхин. Священническая фамилия 17

ЭТНОЛОГИЯ

Л.В. Мельникова, В.С. Николаев. Слово об Анатолии
Васильевиче Преловском 36

ТОПОНИМИКА

М.А. Матюшина. Микротопонимия Приленья 46

ДОКУМЕНТЫ ИСТОРИИ

Ю.П. Лыхин. Письма с Великой Отечественной 59

ВОСПОМИНАНИЯ

И.С. Тирский. В Киренском педучилище 77

Г.И. Хромов. Ленские были 83

У НАС В ГОСТЯХ

О.В. Кулешова. Киренский историко-краеведческий музей 91

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

А.Ю. Исаев. День Ленской экспедиции 98

НОВЫЕ КНИГИ 104

ФОЛЬКЛОР

Сказки ленских берегов 106

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

А.К. Горбунов. Сторона речная 110

НА ДОСУГЕ

Заговоры Верхоленского округа 117

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Г.В. Афанасьев-Медведева, канд. филос. наук О.С. Ихенова, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22.
Тел. (8-3952) 24-31-82, факс (8-3952) 24-31-46, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

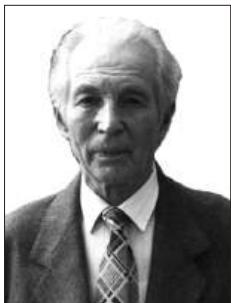
- C. 1 — Покинутая изба. Река Лена, село Кривая Лука. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.
- C. 2 — Михаил Петрович Аксёнов. 2000 г. (к статье А.Ю. Исаева)
 - Боярышник. Реквием по памятникам деревянного зодчества. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.
- C. 3 — Над рекой Леноей. Деревня Чертовская. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.
- Река Тира. Фото Ю. Лыхина, 2007 г. (к воспоминаниям И.С. Тирского)
- C. 4 — Амбарная дверь. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

Подписано в печать 26.11.2010 г. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 04511. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2, тел. 540-940.

СЕЛО ПЕТРОПАВЛОВСК В XVII ВЕКЕ

*Георгий Борисович Красноштанов,
исследователь, г. Москва*

Село Петропавловск относится к тем немногим ленским поселениям, которые в XX веке не только не исчезли, но и приумножили число своих жителей. По переписи 1989 года, там проживало 599 человек. Петропавловск расположен на левом берегу Лены в 94 километрах ниже Киренска.

Первые поселенцы там появились в XVII веке. Что же касается названия Петропавловск, то оно возникло лишь в XIX веке. История наименования всех ленских деревень сложная, запутанная. Почти не было случаев, когда название деревни оставалось бы неизменным. Названия деревни давались не по принципу: «Мы на край земли придем, мы построим новый дом и табличку прибьем на сосне». Вначале деревни были вовсе без названий, потом их называли по счету, отсчитывая то от Чечуйска, то от Спорошиной, затем по имени крестьянина, жившего в этой деревне, по названию реки и т. п. Часто под одним и тем же названием понимались разные деревни.

На картах XX века в одном километре выше Петропавловска обозначалась деревня Захарова. Такое близкое соседство послужило причиной того, что их истории оказались взаимосвязанными. В XVII веке Петропавловск тоже называли деревней Захаровой. Поэтому, во избежание путаницы, введем обозначения:

П — то, что понималось под селом Петропавловском в начале XX века;

З — то, что понималось под деревней Захаровой в начале XX века;

П+З — Петропавловск вместе с Захаровой как единый населенный пункт.

В первом томе книги В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (Иркутск, 1949) дважды записано об основании деревни Захаровой. На странице 89 указан год первого упоминания ее — 1653 — и связано происхождение названия с именем Захарки Игнатьева. Второй раз она записана на странице 97 как деревня Якутского

Спасского монастыря и указаны две даты — 1653 и 1672 годы. 1672-й — это переход деревни к Спасскому монастырю. Однако же данные Шерстобоева нуждаются в уточнении. Уточнение проведем по архивным документам. Другого способа нет.

До образования Илимского воеводства в 1650 году вся территория Лены входила в состав Якутского воеводства.

Первыми поселенцами заимки Захаровой (П) были Захарко Игнатьев Малышев и Андрюшка Федосеев (Федосеев — отчество, фамилии не было). Поселения пашенных крестьян тогда назывались заимками. Часто они имели только один двор, иногда несколько. Лишь потом, по мере увеличения количества проживающих там пашенных крестьян, их стали называть деревнями.

Устроены были Захарко Игнатьев и Андрюшка Федосеев в пашню в 1646 году после приезда в Якутск воевод В.Н. Пушкина, К.О. Супонева и дьяка П.Г. Стеньшина. Однако собирались их устроить еще раньше, при первом якутском воеводе П.П. Головине. Воевода В.Н. Пушкин писал в Москву: «Да мы ж, государь, холопи твои, в Якутцком остроге сыскали и с тем же новоуговорным пашенным на Чичойской волок послали промышленных людей дву человек, которые были до нашего приезду у Петра Головина в Якутцком остроге на пашню приговорены. А по их скаскам дано де им было у Петра ис твоей государевы казны для пашни одному человеку пятнадцать рублей, а другому десять рублей да по две лошеди. И те у них четыре лошеди по их челобитью, что их гнать из Якутцкого острогу до Чичойского некем и с ними летом не дойти, взяты назад. А им против тех четырех лошедей на лошединую покупку, на те ж по две лошеди человеку, дано из твоей государевы казны по пятнадцати рублей на лошедь. Да им же подмоги дано по двадцати рублей человеку.

И в том, государь, мы, холопи твои, по них взяли и поручные записи. А велено им на тебя, государя, по тому ж пахать ржаную десятину, а другую яровую десятину человеку. И с их пахоты на тебя, государя, десятой сноп имать так же, как и с первых уговоренность» (1).

Упомянутый здесь «новоуговорный пашенный» крестьянин, Малафейка Яковлев Чацких, был поселен в будущей деревне Сухневой.

А имена двух других пашенных крестьян названы в выписке Якутской приказной избы: «Да в том же во 154 [1646] году ленским пашенным крестьяном Захарку Игнатьеву устюженину да Ондрюшке Федосееву вычегжанину велено быть в государеве пашне» (2).

Захарко Игнатьев до этого был промышленным человеком. В таможенной книге за 1640 год о нем найдена первая запись:

«Того ж дни [24 апреля 1640 г.] у промышленного человека у Захарка Игнатьева устюжанина с его промыслу, с четырех сороков соболей, десяти пошлины взято шестнадцать соболей с пупки и с хвосты» (3).

В книге Ленского острога за 150 (1641–1642) год названа его фамилия: «Июля в 30 день [1642 г.] у промышленного человека у Захарка Игнатьева Малышева с промышленных с тридцати соболей десяти пошлины взято три соболи с пупки и с хвосты» (4).

Итак, Захарко Игнатьев имел фамилию Малышев. Его потомки и сейчас живут в Киренском районе.

В книге денежных неокладных расходов за 154 (1645–1646) год записано: «Июля в 18 день [1646 г.] по помете на выписке диака Петра Стеньшина Ленского острогу пашенным крестьянам Ондрюшке Федосееву да Захарку Игнатьеву Малышеву для государевы пашни на зсуду июля со 18 числа по 18 число 156 [1648] году сорок рублев дано, по двадцати рублев человеку» (5).

Таким образом, деревня Захарова (П) основана в 1646 году, а не в 1653, как написано у В.Н. Шерстобоева. Захарко Игнатьев Малышев поселился на левом берегу Лены в 28 километрах ниже Чечуйска. Заимка была названа его именем — Захарова (П).

Андрюшка Федосеев до поселения на Чечуйском волоке уже два года был пашенным крестьянином в Якутске (6). И вот через два года он переселился вместе с Захаркой Игнатьевым Малышевым на Чечуйский волок, на заимку, которая потом была названа Захаровой (П).

Осенью 1652 года по приказу якутского воеводы М.С. Лодыженского пятидесятник Иван Григорьев Щукин (он же Кожин) и подьячий Иван Синицын составили книгу о заимках Чечуйской волости. В ней записано: «Заимка вниз по Лене от Берендиловы заимки. А в ней живут крестьяне:

Захарко Игнатьев с сыном с Нехорошком
да Кондрашка Моисеев с сыном [Ивашком]
да Ондрюшка Федосеев с сыном.

А посажены они при воеводе Василье Пушкине с товарищи» (7).

Сын Захара Игнатьева здесь назван Нехорошком. Это прозвище, а крестильное имя было Никитка.

Вновь записанный Кондрашка Моисеев был ссылочным черкашенином (запорожским казаком). Он ранее числился на заимке Чугуевской (в 5 км выше Чечуйска), которая отошла к Илимскому уезду. Когда он переселился на Захарову заимку, неизвестно. Но в Якутском уезде он записан уже с 1650 года (8).

На всех заимках на подворьях у пашенных крестьян жили промышленные люди. Они были непостоянным, пришлым с

Село Петропавловск на реке Лене. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

Русского Севера населением. Летом нанимались в работники к пашенным крестьянам, осенью с заработанным хлебом уходили на соболиный промысел, а следующим летом опять возвращались на заемки. Некоторые возвращались на родину. Записи о месте их проживания не велись, поскольку они не относились к тяглому населению. Но зато о них много записей в таможенных книгах об уплате пошлин. А со временем некоторые окончательно теряли связь с родиной, переходили в пашенные крестьяне и, таким образом, пополняли постоянное ленское население.

Один из подобных промышленных людей, Касьянко Сидоров, подал приказному человеку Чечуйского волока Бездосточному Мощинцову челобитную об устройстве его в пашню. Касьянко Сидоров уже давно жил на Чечуйском волоке. В книге денежных сборов Чечуйского волока за 156 (1647–1648) год записано: «Апреля в 22 день [1648 г.] промышленой человек Касьянко Сидоров вычегжанин продал сорок пять соболей с хвосты торговому человеку Овдейку Маркову вологжанину. Взял сорок пять рублей. С продавца записной пошлины — сорок пять алтын» (9).

В члобитной Касьянки Сидорова в 1657 году написано: «Царю [А.М.]^{*} бьет челом сирота твой, промышленной человек Касьянко Сидоров вычегженин. <...>

Вели, государь, мне быть на великой реке Лене в твоей государевы пашни на лугу в межах с пашеными крестьяны с Олешкою Тимофеевым с товарыщи, пониже Ганьки Михайлова, что стоит одинакая лисвеница край Лены, и от той лисвеницы прямо в бор. А с нижнюю сторону от межи пашенного Захарка Игнатьева с товарыщи, от гумна пашенного Кондрашки Моисеева прямо в бор. Та земля лежит впусте.

А пахать мне, сироте твоему, на тебя, государя, по десятине ржы да по полудесятине яровово хлеба безпеременно, до своей смерти. А подмогу, государь, мне, сироте твоему, вели дать против моей братьи, пашенных крестьян» (10).

Упомянутые здесь Олешка Тимофеев Берендилов и Ганька Михайлова Плехан пахали в нижней части заимки Берендиловой. Таким образом, Касьянко Сидоров просил отвести ему под пашню землю ниже заимки Берендиловой и выше пашни Захара Игнатьева (П). На этом месте возникла потом деревня, которая на картах XX века называлась Захарова (3).

Однако с устройством Касьянки Сидорова в пашню произшла заминка. Об этом сообщал в Якутский острог воеводе Лодыженскому и дьяку Тонкову приказчик Безсчастный Мощинцов: «Государя [А.М.] стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю, дьяку Федору Васильевичю с Чичуйского волоку служилой человек Безсчастко Мощинцов челом бьет.

В нынешнем во 165 [1657] году, июня в 1 день, на Чичуйском волоку в Приказную избу принес члобитную промышленной человек Касьянко Сидоров пинегжанин. А в члобитной ево написано, чтоб государь ево, Касьянка, пожаловал: велел ему быть в своей государеве пашне на великой реке Лене в Якутцком уезде.

И против (т. е. согласно. — Г. К.) ево, Касьянкина, члобитья он, Касьянко, в государеву пашню посажен на пустое место, в межах с пашеными крестьяны, з Захарком Игнатьевым с товарыщи.

А денег ему, Касьянку, из государевы казны на подмогу на лошадь и на сошники, против ево братьи, новопашенных крестьян, не дано, для того, что он, Касьянко, в государевых в заповедных в пенных выимошных винных деньгах, в дву выимках, в пятнадцати рублях, стоял на правеж[е] многое время и, на правеже будучи,

* В члобитных выражения типа: «государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси» и «государь, царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец» заменяются нами на [А.М.].

отстаивался, и тех государевых заповедных денег не уплатилничево.

И ему, Касьянку, в подмогу зачтены те пенные деньги, пятнадцать рублей. Да в додачю к тем к пятнадцати рублям из государевы казны выдан один рубль. И он, Касьянко, того рубля не принял.

И челобитная заручная ево, Касьянкова, по которой он посанжен в пашню, и порушная запись послана под сею отпискою в Якутцкой к тебе, стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю, дияку Федору Васильевичю» (11).

Здесь Касьянко Сидоров почему-то назван пинегжанином. Сам он себя называл вычегжанином. Касьянко Сидоров с удержанием 15 рублей не согласился и подал челобитную: «В нынешнем, государь во 165 [1656] году был я, сирота твой, у прежнео таможенноо целовальника у Пашки Смольникова в годовом сроке. И он, Пашка, всякую работу меня, сироту твоего, заставливал работать на себя, и вино на винокурне на него сидел.

И в нынешнем же во 165 [1657] году тоё ево Пашкову винокурню отписали на тебя, государя. И на той винокурне у него, Пашки, вино вынели дважды. И меня, сироту твоего, в те две выемки винные записали. И правили на мне, сироте твоем, за те две винные выимки на Чуюйском волоку перед Приказною избою твоих государевых пенных денег пятнадцать рублей многое время.

И ныне, государь, для тех заповедных пенных денег мне, сироте твоему, из твоей государевы казны против моей братыи, новопашенных крестьян, на лошадь и на ральники денег, штинатцати рублей, приказной человек Безсчастной Мощинцов не дал для, государь, того, что зачитывает мне, сироте твоему, на те твои государевы пенные деньги пятнадцать рублей. А к тем, государь, деньгам давал мне, сироте твоему, только один рубль.

А я, сирота твой, у него, Пашка, на винокурне вино на него сидел [с] своею братьею, срочными, трое нас человек, потому что были у него в сроке.

<...> Не вели, государь, тех своих государевых заповедных пенных денег на мне, сироте твоем, пятнадцать рублей править.

И вели, государь, мне, сироте твоему, из своей государевы казны для моей новой селидьбы подмошные деньги против моей братыи, новоселенных крестьян, подможные деньги, шестнадцать рублей, выдать на лошадь и на сошники, чтоб мне, будучи в твоей государевы пашне, голодною смертью не помереть, и твоей бы и своей пашни не отбыть, и вконец не погинуть» (12).

Летом 1659 года Безсчастный Мощинцов сдал Чечуйский волок Демьяну Караблёву и прибыл в Якутский острог. 23 июля 1659 года он был расспрошен в приказной избе. Помимо прочего он рассказал и о Касьянке Сидорове: «А пашенной де Касьянко жи-

На улице Петропавловска. Фото Ю. Лыхина, 2001 г.

вет, переходя в Якутцком уезде, потому что ему, Касьянку, на пашенной завод государева жалованья из государевы казны ничего не дано, потому что де на нем, Касьянке, взято было в государеву казну за две винные выимки пятнадцать рублей. И он де, Безчаско, те деньги зачел в подможные деньги. А шеснадцатой рубль ему, Касьянку, додавать ль стала? И он, Касьянко, того рубля не взял. А бил челом государю, чтоб государь ево, Касьянка, пожаловал: не велел тоё пятнадцати рублей править. А велел бы государь те все подможные деньги, шеснадцать рублей, выдать ис своей государевы казны. А он де, Безчаско, тех штинадцати рублей без государева указу де ему, Касьянку, выдать не смел.

А поручная запись по нем, Касьянке, в прошлом во 165 [1657] году прислана под отпискою в Якутской острог. И челобитная ево, Касьянкова, прислана под отпискою ж в том же в прошлом во 165 [1657] году. И указу де о том из Якутского острогу об тех деньгах не бывало. И он де, Касьянко, жил в Якутском уезде. А ныне де он, Касьянко, сказался, что де он, Касьянко, пошел дожидаться нового воеводы и дьяка в Ылимской уезд» (13).

Безсчастный Мощинцов также подал челобитную Касьянки Сидорова: «В прошлом, государь, во 165 [1657] году бил челом я, сирота твой, тебе, государю, а на Чуючайском волоку в Приказной избе приказному человеку Безсчастному Мощинцову подал

челобитную, чтоб мне, сироте твоему, быть в твоей государеве пашни.

И по моему, государь, челобитью велено мне, сироте твоему, быть в твоей государеве пашне. И порушная государь, запись по мне, сироте твоему, в той твоей государевы пашни взята.

А что по твоему государеву указу велено нашей браты давать из твоей государевы казны для новой селидьбы на лошадь и на ральники по штинатцати рублев денег, а мне, сироте, тех твоих государевых подможных денег из твоей государевы казны не даны. А зачтены, государь, те твои государевы подможные деньги мне, сироте твоему, за две выимки винные пятнадцать рублев.

А я, сирота твой, беден и нужен, и для твоей государевы пашни, и своей лошади, и ральников купить нечем, и твоих государевых десятин, и своей пахоты пахать не на чем.

А в прошлом, государь, во 165 [1657] году об тех твоих государевых пенных деньгах посыпал я, сирота твой, в Якутцкой остроге челобитенку к твоему государеву стольнику и воеводе к Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Васильевичу Тонково, чтоб ты, государь, пожаловал: тех пенных денег на мне, сироте твоем, править не велел. И по той, государь, моей челобитенке и по сё число указу нет.

И в нынешнем, государь, во 167 [1659] году на Чючойском волоку в Приказной избе стою я, сирота, на правеже в твоей государеве десятине ржаной, в том, что в прошлом во 165 [1657] году не пахал и не сеял. А правят на мне, сироте твоем, с той десятины ржи в твою государеву казну против моей браты и умолоту Захаровой займки. А правят на мне, сироте твоем, того твоего государева хлеба нещадным правежем.

<...> Вели, государь, Чючойского волоку приказному человеку Безщастному Мощинцову да целовальнику Дементию Караблёву в том твоем государеве хлебе и в твоей государеве пашне дать сроку до приезду на Чючойской волок стольника и воеводы Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова да дьяка Ивана Ивановича Бородина, чтобы, государь, мне, сироте твоему, стоя на правеже, впредь твоей государевы пашни и своей не отбыть, и голодною смертью не помереть, и вконец не погинуть» (14).

Новый воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов зимовал в 1659–1660 годы на Чечуйском волоке. Встречался ли с ним Касьянко Сидоров и подавал ли челобитную и чем кончилось дело, неизвестно. В сохранившихся ужинных книгах нет записи об урожае на его пашне (книги сохранились не за каждый год). Кроме того, в течение нескольких лет новопашенным крестьянам давалась льгота, в казну хлеб не выделялся, в ужинные книги ничего не записывалось.

При устройстве в пашню крестьянин обязан был построить избу и амбар. Таким образом, 1657, а не 1653 год, как указано у В.Н. Шерстобоева, следует считать началом деревни Захаровой (3), а Касьянку Сидорова — ее первым жителем. Крестьянин Логинко Петров, который поселился там после, называет ее Касьяновой заимкой. Его члобитную приведем ниже.

В 1663 году Касьянко Сидоров уже не упоминается. А в деревне Захаровой (П) числилось трое пашенных крестьян, но уже не упоминается один из ее первых жителей Андрюшка Федосеев, вместо него записан Марчко Васильев. Вместо черкашенина Кондрашки Моисеева записан его сын Ивашко Кондратьев с фамилией Панов (черкасы называли себя панами). В 1665 году Ивашко Кондратьев Панов переселился в Пеледуй, а в его место был устроен в пашню в 1666 году из промышленных людей Стенька Петров. Кроме того, был вновь устроен в пашню Никифор Дмитриев.

В 1667 году на бывшей Касьяновой заимке (3) изъявил желание устроиться в пашню промышленный человек Логинко Петров. В отписке якутскому воеводе Ивану Петровичу Борятинскому чечуйский приказчик Иван Ерастов сообщал: «Государя [А.М.] окольничему и воеводе князю Ивану Петровичу с Чичауского волоку сынчок боярской Ивашко Ерастов челом бьет.

В нынешнем во 176 [1667] году, сентября в 6 день, бил челом великому государю промышленой человек Логинко Петров, а мне, Ивашку, подал члобитную. А в члобитной пишет, чтоб великий государь ево, Логинка, пожаловал: велел быть в Чичаускской волости в своей великого государя полудесятинной пашне изо льготы на пять лет, на лугу с пашеными крестьяны, з Захарком Игнатьевым с товарыщи» (15).

В члобитной Логинки Петрова написано: «Живу я, сирота твой, в Якуцком уезде в Чичаускской волости, женяся, многие годы без пашни.

<...> Вели, великий государь, мне, сироте твоему, быть в Чичаускской волости в своей великого государя в полудесятинной пашне на лугу с пашеными крестьяны, з Захаром Игнатьевым да с Марком Васильевым с товарыщи.

И вели, великий государь, мне, сироте твоему, отделить земли непаханые повыше их, Захаровы (П) деревни с товарыщи, в по скотине поперег от Лены реки с нижнюю сторону от гумна пашенного крестьянина Степана Петрова до огорода под скотинново, а вверх Лены реки до камени-утесу, чтоб мне, сироте твоему, было, где твоя, великого государя, пашня пахать и своя особая пашнишко, и сена косить.

И вели, великий государь, мне, сироте, отвесть и по той речке (Захаровой. — Г. К.) рыбные ловли, и против той речки на Лене реке под сенные покосы остров (Бычков. — Г. К.). А тот остров лежит впусте.

И вели, великий государь, на то пустое нероспашное место мне, сироте твоему, дать льготы на пять лет, потому что то пустое лесопорослое место, и подмоги из своей великого государя казны дать против моей браты пашенных крестьян» (16).

Это как раз то место, которое отводилось Касьянке Сидорову, то есть это деревня Захарова (3).

Камень-утес, упомянутый в члобитной, это — Петропавловский утес, который находится на берегу речки Захаровой на удалении примерно 500–600 метров от русла Лены. Местные жители называют его Камешок. Он служил естественной межой между деревнями Захаровой (3) и Берендиловой.

В 1668 году Логинко Петров жаловался на своих соседей и даже отказывался от денежной подмоги: «Царю [А.М.] бьет челом сирота твой, Чичкойской волости пашенной крестьянин Логинко Петров сысолетин.

В нынешнем, великий государь, во 176 [1667] году поверстан я, сирота твой, в Чичкойской волости в твою великого государя в десятинную пашню вприбыль в полдесятины.

А подмогу для новой роспаши из твоей великого государя казны мне, сироте твоему, не дано ничево. Поднимаясь на своих проторех, займучи деньги и хлеб. А прежде сего для новой роспаши пашенным крестьяном из твоей великого государя казны давано рублев по дватцати и больше.

А отведено мне, сироте твоему, под твою великого государя пашню вновь на полдесятину и под мою пашнишко, и под дворенка против (согласно. — Г. К.) иных пашенных крестьян в местах с пашенным Степаном Петровым с нижнюю сторону, а с верхнюю сторону от Берендиловы заемки, от реки к камени прямо к утесу, старое место покойного Касьяна Сидорова. И то место давно лесом поросло и лежит многие годы непахано.

И то отведенное мое место отнимают у меня, сироты твоего, Захар Игнатьев да Марко Васильев, да Степан Петров, да Микифор Дмитреев, и теснят меня, сироту твоего, с тово отведеново места на свои выпашные старые места, которые им отведены. И те мои новые росчисти отнимают, Касьяновскую заемку, к себе вповал.

А тот Захар, выпахав те земли, отдал с себя твою великого государя пашни полдесятины Никифору Дмитрееву, а сам переселился на новое место. А тот Степан Петров снял с пашенною

ж крестьянина с Ывана Панова. А тот Иван Панов переселился на новое место на усть Пеледуя.

А на которое место я, сирота твой, был челом тебе, великому государю, на порослую Касьяновскую заимку вновь в полдесятины в прибыль, и то место было никому не в отдаче и в лишке за твоими великого государя десятинными пашнями и их пахоты.

<...> Вели, великий государь, в той изгоне против сего моего челобитья свой великого государя указ учинить, и то отведенное место под твою великого государя десятинную пашню мне владеть и пахать на своих проторех, без подмоги» (17).

Однако небольшую ссуду он все же получил. В книге за 177 (1668–1669) год записано: «Логинку Петрову дано подмоги на лошадь и на сошники четыре рубли» (18).

А о сдаче пашни Захаром Игнатьевым промышленному человеку Никифору Дмитриеву Югову устюжанину имеется их общая челобитная: «Велите, великие государи, мне, Захарку, здать полдесятины ржи да четверть десятины ячмени, а мне, Никифорку, в той полдесятины быть и пахать на вас, великие государи, за него, Захарка, полдесятины ржи да четверть десятины ячмени по вся годы безпеременно до своей смерти. А подмогу я, Никифор, взял у него, Захарка» (19).

Камешок у села Петропавловска. Фото Ю. Лыхина, 2007

Но все Малышевы деревню Захарову (П) не покинули. Остальную часть своей пашни в той деревне Захар Игнатьев сдал своему сыну Нехорошке (Никитке).

При приеме Чечуйского волока 14 июня 1668 года приказчик Федор Пущин составил роспись крестьян. Среди прочего там написано: «Вниз по Лене, ниже Чай двор. А в нем живет пашенной крестьянин Захарко Игнатьев с сыном Мишкой. Пашут на велико-го государя полдесятины ржи» (20).

После переезда Захарки Игнатьева деревня Захарова (П+3) стала называться Верхней Захаровой, а деревня ниже Чай — Нижней Захаровой. В 1672 году записано: «Вниз по Лене реке на левой стороне деревня Нижняя Захарова.

Двор, а нем живет пашенной бывшей Захарко Игнатьев с сыном своим с пашенным крестьянином с Мишкою. А у Мишки детей: Левка восми лет, Федка семи лет» (21).

«Бывший» означает, что пашня была записана на Мишку. Из других документов выясняется, что деревня Нижняя Захарова стала потом называться Дарьиной.

В 1679 году Мишка умер. В ужинной книге записано «У Захарка Игнатьева вместо умершаго сына его Мишки». Захарко Игнатьев умер после 1682 года. В деревне Дарьиной уже пахали внуки Захарки Игнатьева Малышева.

Дочь Захара Игнатьева Малышева Марфутка после смерти своего первого мужа Ивашки Степанова вышла замуж за родона-чальника рода Лыхиных Кирилку Иванова Лыхина.

А у Никитки Захарова Малышева, который остался в деревне Захаровой (П+3), было четыре сына: Федька, Алешка, Мишка, Стенька. Никитка Захаров умер в 1703 году, и пашня перешла к его сыну Федору.

В 1672 году в переписи жителей деревни Верхней Захаровой (П+3), выполненной чечуйским приказчиком Иваном Хвостовым, указаны семь пашенных крестьян и три промышленных человека с именами их детей. В числе прочих крестьян: «Двор, а в нем живет пашенной крестьянин Логинко Петров. <...> Двор, а в нем живет промышленой человек Коземка Бобылев». В 1673 году производят перепись приказчик Федор Пущин. В ней значится пашенный крестьянин Логинко Петров. Но пока что не упоминается о монастырских вкладчиках и об отдельной монастырской деревне.

За последующие годы книги отсутствуют. А в 1677 году записано: «Спасского монастыря вместо Логинка Петрова у вкладчика у Родьки Иванова» (22).

Это первая запись о появлении вкладчиков. Значит, вкладчики Якутского Спасского монастыря в деревне Захаровой (3)

начали появляться в период с 1674 по 1677 год. А между тем у В.Н. Шерстбоева неверно указан год — 1672-й. Подробности перехода неизвестны, есть лишь краткие записи в ужинных книгах. Сначала вкладчики перечисляются в составе общей деревни (П+3).

В 1679 году: «Деревня Верхняя Захарова [П+3].

Спасского монастыря на Логиновской пашне у старца Иякова <...>» (23).

Затем перечислены остальные крестьяне общей деревни (П+3).

А в 1685 году монастырская деревня записывается как отдельная: «В манастирской деревне [3] у посельщика у Родьки Михайлова» (24).

Обе деревни долгое время продолжали называться Захаровскими. В описании реки Лены, составленном переводчиком экспедиции Академии наук в 1735 году И. Яхонтовым, записано: «Захаровская деревня Якуцкого Спасского монастыря на левом берегу Лены. В ней один двор. Против сей деревни впада с правой стороны в Лену речка Мелнишная, которая вышла верстах в 2 из хребта. Близ устья есть на оной речке помянутого монастыря хлебная мельница.

Захаровская деревня на том же берегу против нижняго конца Захаровского (Бычкова. — Г. К.) острова. В ней 13 дворов крестьянских, да 4 бобыльских, которые стоят на полуверсте. От Берендиловых до сей деревни, до низких дворов, 4 версты с $\frac{1}{2}$ » (25).

А расстояние между двумя Захаровскими деревнями указано равным одной версте.

В начале XIX века нижняя из этих двух Захаровских деревень стала называться Петропавловском. Это было связано с постройкой Петропавловской Спасской церкви. И.В. Калинина пишет: «В 1801 году в селении заложили двухэтажный каменный храм. Закончили строительство в 1810 и 16 августа того же года освятили нижний храм в честь Нерукотворного Образа Христа Спасителя. Верхний этаж, хотя и был окончен, но долго не освящался из-за появившихся сквозных трещин, грозящих обвалом. Освятили второй престол только в 1820 году в честь святых Апостолов Петра и Павла» (26).

Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», изданной в Санкт-Петербурге в 1844 году, называет это селение Петропавловской слободой (27).

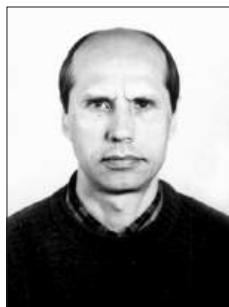
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Ст. 241. Л. 186.
2. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук (СПбФ ИРИ РАН). Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 5.
3. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 41 об.
4. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 62. Л. 503.
5. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 157. Л. 152–152 об.
6. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 510. Л. 1–2.
7. РГАДА. Ф. 214. Ст. 319. Л. 152–153.
8. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 396. Л. 4.
9. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 156. Л. 20–20 об.
10. СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 33.
11. Там же. Л. 31–32.
12. Там же. Л. 36–37.
13. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Ед. хр. 1301. Л. 2–3.
14. Там же. Л. 7–8.
15. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. III. Ед. хр. 1621. Л. 14.
16. Там же. Л. 15–16.
17. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. III. Ед. хр. 1624. Л. 62–63.
18. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 935. Л. 77 об.
19. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Ед. хр. 1592. Л. 2.
20. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. III. Ед. хр. 1673. Л. 345.
21. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Ед. хр. 1402. Л. 26.
22. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1156. Л. 13 об.
23. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1223. Л. 18.
24. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1360. Л. 37 об.
25. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 517. Ч. I. Портфель 1. Д. 20. Л. 32 об.–33.
26. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 357.
27. Щукин Н.С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 313.

СВЯЩЕННИЧЕСКАЯ ФАМИЛИЯ

Леонид Евгеньевич Холин,
краевед,
с. Петропавловск
Киренского района
Иркутской области

Юрий Петрович Лыхин,
кандидат историче-
ских наук, ученый секре-
тарь Архитектурно-
этнографического музея
«Тальцы», г. Иркутск

В процессе изучения ленской истории, в частности истории села Петропавловска (Киренский район Иркутской области) постепенно накапливался материал о служивших в этом селе священниках Пономарёвых, в результате чего и выявилась их родословная на протяжении двух с половиной веков. Род Пономарёвых оставил заметный след в духовной жизни не только Петропавловска, но и всего Киренского уезда.

О появлении на Иркутской земле священнослужителей Кокоулиных и Пономарёвых существуют сведения, приведенные в газете «Иркутские епархиальные ведомости»: «В июне 1744 года перешел в Иркутск из Тобольской епархии из города Березова священник Павел Кокоulin. В декабре 1746 года явился в Иркутск из Архангелогородской епархии, г. Ваги Киянского погоста Спасской церкви пономаря Михайла Пономарева сын Феодор. Отсюда роды Кокоулиных и Пономарёвых, доныне с честию слу-жащих Иркутской пастве» (1). Интересно, что упомянутые здесь фамилии спустя годы также стояли рядом в истории Киренского района и в частности села Петропавловска.

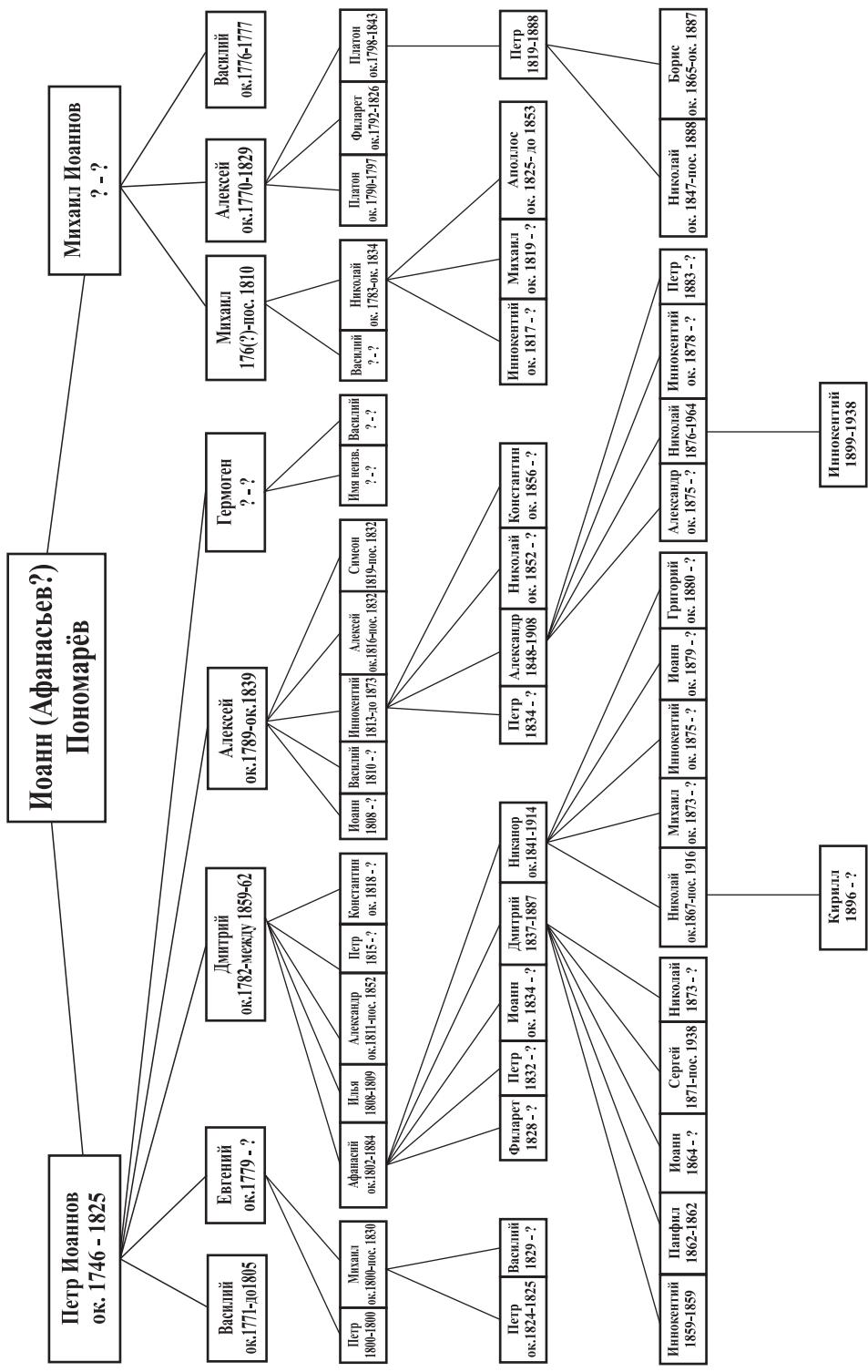
Однако опубликованное в «Епархиальных ведомостях» утверждение, похоже, не соответствует действительности. Пономарёвы-священники и прежде того жили на Иркутской земле. Известно,

что в 1729 году в составе Пекинской духовной миссии, которую возглавил архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Антоний Платковский, из Иркутска в Китай отправились три лучших ученика существовавшей при монастыре «мунгальской школы». Одним из этих учеников был Михайло Афанасьев Пономарёв, «попов сын» с Лены (2).

Кроме того, в «Иркутских епархиальных ведомостях» обнаружена следующая запись: «...бывший Игумен Иркутского Вознесенского монастыря, а теперь заведывавший Братскою Пустынею, Пахомий 2 ноября 1732 года перемещен настоятелем во вновь причисленный к Иркутской епархии Киренский монастырь, с правом заведывания четырьмя церквами: Киренскою, Устькутскою, Чечуйскою и Полощенского (Спелошинскою)» (3). Фамилия же Пахомия, умершего в 1746 году, была Пономарёв, как это указано в «Летописи Свято-Троицкого Усть-Киренского монастыря» (4).

В сохранившихся церковных документах Иркутской епархии второй половины XVIII века Пономарёвы упоминаются неоднократно, но пока без каких-либо свидетельств об их родственных отношениях. В Киренском духовном округе они первоначально тяготели к приходу Спелошинской Спасской церкви — одной из старейших в Киренском районе. В наиболее раннем документе, указывающем на присутствие Пономарёвых в Спелошино (так звучит современное название села), говорится: «Указ 11-го июля 1754 года. На место умершего священника Спелошинской Спасской церкви Иоанна Афанасьева просился бывший пономарь той же церкви Петр Пономарев, который 8-го мая поставлен во диакона и послан в Иркутский Вознесенский монастырь для обучения к священнослужению, но к произведению во священника за тупость грамоты оказался негоден. Между тем в Киренский монастырь требовался дьякон, куда и послан Пономарев на два года. А чтобы он по прошествии двухгодичного времени искал себе праздного священнического места, о том объявлено ему в консистории с подпискою» (5). По всей видимости, «научение» все-таки состоялось, о чем свидетельствует запись в метрической книге Киренского Спасского собора от 30 апреля 1777 года. В ней говорится, что «Троицкого Киренского монастыря вдовый священник Петр Пономарев» выдал замуж свою dochь Анастасию (6).

В дополнение к сказанному можно предположить, что «умерший священник Иоанн Афанасьев» приходился отцом Петру Иоаннову Пономарёву. В документах того времени отчество или даже фамилия священника часто опускались. К примеру, сполошинский священник Иоанн Порфириев Бердников в 1777 году несколько раз писался просто как Иван Порфириев.

Родословное древо Пономарёвых

В 1777 году в Спогошинском погосте служил дьячком Михаил Пономарёв. У него был сын «Михайло», который в 1785 году также был там дьячком. Скорее всего, именно младший Михаил (Михаил Михайлович Пономарёв) стал священником Криволукской Николаевской церкви, освященной в 1788 году (с. Кривая Лука Киренского района). Из клировой ведомости Криволукской церкви: «Первым священником был оной церкви Михаил Пономарев, рукоположенный из пономаря Спогошенаского погоста Преосвященным Михаилом. Управлял сею церковью до 1796 года и переведен в Киренский собор, где былprotoиереем и закащиком до 1810 года» (7). Этим protoиереем Михаилом Пономарёвым было начато строительство каменного здания Киренского Спасского собора (1805 г.), существующего и действующего как храм и сегодня. Судя по записям в метрических книгах, он посещал Спогошинский погост, где жили его родственники. Так, в 1806 году он венчал там пономаря Алексея Петрова Пономарёва с дочерью чечуйского священника Афанасия Попова (8).

Известно также, что в 1797 году дьячком Киренского Спасского собора был Яков Пономарёв. Существуют и другие упоминания о Пономарёвых, относящиеся к концу XVIII века. Трудно связать между собой лица, упоминающиеся в этих отрывочных сведениях, хотя и проглядывают между ними очевидные родственные отношения. За неимением точных данных приходится вести поиск с помощью рассуждений и догадок. Существовала семейная традиция давать детям имена умерших родных, в их память. Такие примеры были часты и у Пономарёвых, среди которых повторяются имена Михаил, Петр и другие. Так что пономарь Михаил Пономарёв, чей сын «явился» в Иркутск, вполне мог быть в начале этой родословной линии. В подтверждение родства ленских Пономарёвых говорит и то обстоятельство, что все они, так или иначе, были связаны со Спогошинским селом, а родственность и преемственность — обычное в XVIII веке явление в среде духовенства.

Более подробные и связные сведения о Пономарёвых появляются с начала XIX века. В этот период они преобладали, а то и полностью составляли клир Спогошинской, а затем ее преемницы — Петропавловской Спасской церкви. Здесь следует сказать, что в самом конце XVIII века Спогошинская церковь сгорела. В 1800 году в селе была устроена новая деревянная церковь, которая после строительства Петропавловской Спасской церкви стала приписной и причта своего уже не имела. Перемены в судьбе Спогошинской церкви произошли из-за расположения ее на неудобном для большинства прихожан месте. Поскольку от всех деревень прихода Спогошинская церковь была отделена рекой,

Киренский Спасский собор. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

решено было перенести приходский храм на 10 верст выше по течению Лены, построив его в деревне Захаровской. Новый храм, заложенный в 1801 году и освященный во имя Спаса Нерукотворного и святых апостолов Петра и Павла, дал новое название деревне Захаровской — Петропавловский погост (ныне село Петропавловск).

Службы в еще не достроенной Петропавловской Спасской церкви, по-видимому, начались уже в 1808 году. Ее большой приход (к прежнему добавили еще две деревни из соседнего — Чечуйского) был разделен на два участка, и ему полагалось два штата священно- и церковнослужителей. По собранным авторами сведениям, в 1809 году в Петропавловской Спасской церкви служили: благочинный священник Алексей Пономарёв, дьячок Филарет и пономарь Платон Пономарёвы — сыновья благочинного священника, священник Петр Пономарёв, дьякон Алексей и дьячок Дмитрий Пономарёвы — сыновья священника Петра, а также пономарь Симеон Попов.

В 1819 году причт Петропавловской церкви составляли благочинный протоиерей Алексей Михайлов Пономарёв, священники Филарет Алексеев и Алексей Петров Пономарёвы, дьякон Платон Алексеев Пономарёв, дьячок Дмитрий Петров Пономарёв, поно-

марь Михаил Евгеньев Пономарёв и пономарь Афанасий Дмитриев Пономарёв.

И еще через десять лет, в 1829 году: 1-й священник и благочинный протоиерей Алексей Михайлов Пономарёв, в возрасте 59 лет; 2-й священник Алексей Петров Пономарёв, 40 лет, «сродный» брат протоиерея; диакон Платон Алексеев Пономарёв, 31 года, сын протоиерея; 1-й дьячок Дмитрий Петров Пономарёв, 47 лет, брат священника Алексея; 2-й дьячок Иннокентий Алексеев Пономарёв, 16 лет, сын священника Алексея; 1-й пономарь Михаил Евгеньев Пономарёв, 29 лет, племянник священника Алексея; 2-й пономарь Афанасий Дмитриев Пономарёв, 27 лет, племянник священника Алексея, сын дьячка Дмитрия.

Эти сведения удостоверяют родственные отношения Пономарёвых того времени.

К изложенному можно добавить, что служившие здесь ранее дьячок Евгений (отец пономаря Михаила) в 1808 году был переведен дьяконом в Тутурскую Покровскую церковь, а рано умерший (до 1805 г.) пономарь Василий приходился братом священнику Алексею Петрову и дьячу Дмитрию Петрову. Еще один их родной брат, Гермоген, служил иеродьяконом в Киренском Троицком монастыре; ему петропавловские Пономарёвы помогли в

Петропавловская Спасская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

*Петропавловская церковно-приходская школа.
Фото Н. Пономарёва, 1913 г.*

жизнеустройстве двух его сыновей (9). Все они — сыновья Петра Иоаннова Пономарёва (см. список 1809 г.), который родился около 1746 года, в 1777 году был дьячком, а с 1783 по 1815 год — священником Сполошинской и, затем, Петропавловской церкви. Уволен за штат в 1815 году, умер в 1825 году.

Судя по тому, что священники Алексей Михайлов и Алексей Петров назывались «сродными» (т. е. двоюродными) братьями, их отцы Михаил Пономарёв (отец Михаила Михайлова) и Петр Иоаннов Пономарёв приходились друг другу родными братьями.

Подчеркнем одну особенность этого периода (XVIII – начало XIX в.) — все священнослужители, не исключая протоиереев, не имели специального духовного образования. Так и записывалось: «в школах не учен», «катехизис знает изустно».

Какие-то родственники сполошинских Пономарёвых жили в Енисейске. В 1822 году священник Алексей Михайлович Пономарёв пишет прошение на имя епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Михаила (Бурдукова): «Находясь я, нижайший, в Киренской округе при здешней [Петропавловской] церкви, имею ближних родственников в городе Енисейске, с коими уже более три-

Чечуйская Воскресенская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

тцати лет не имел свидания. Для того осмеливаюсь особу Вашего Преосвященства всепокорнейше просить о увольнении меня в город Енисейск для свидания с оными находящимися в нем моими родственниками» (10).

Несмотря на давность лет, о некоторых представителях рода Пономарёвых можно рассказать довольно подробно. В первую очередь это касается протоиерея Алексея Михайловича. Основные даты его биографии: родился около 1770 года, с 1785 года — дьячок, с 1796-го — священник, с 1798-го — благочинный священник, с 1818 года — протоиерей. Судя по году рождения и по отчеству, с большой долей уверенности можно сказать, что он был сыном вышеупомянутого Михаила Пономарёва и братом Михаила Михайловича Пономарёва.

Имя Алексея Михайловича Пономарёва особо значимо для Петропавловска, так как он стоял у истоков образования села в начале XIX века. Строительство Спасской церкви в деревне Захаровской привело не только к переименованию поселения в Петропавловский погост, но и к его новому статусу как центра церковного прихода, а затем волостного центра. Бывшая деревня превратилась со временем в одно из крупнейших сел в

Киренском районе. Наверное, это событие произошло бы независимо от того, кто являлся тогда священником, но роль последнего, тем более благочинного, первостепенна. А им был Алексей Михайлович Пономарёв. Сохранилось немало документов, показывающих, какие хлопоты и усилия предпринимал он для возведения дорогостоящего двухэтажного каменного храма. Ведь даже в уездном городе Киренске возводящемся в те же годы Спасском соборе второй этаж по недостатку средств не был выполнен, а восьмерик колокольни пришлось построить в деревянном исполнении.

Алексея Михайловича называли «ктитором», что в буквальном переводе с греческого означает «основатель, создатель». Строительство церкви в Петропавловске оказалось очень тяжелым и затяжным делом в условиях столь дальнего прихода и захолустной деревни. И хотя в 1810 году нижний престол освятили и в нем к тому времени велись службы, достраивался храм в 20-х, а колокола довозили в 30-х годах. В 1820 году Алексей Михайлович писал в Иркутскую духовную консисторию, что «осмерик колокольни и поныне еще зданием остается не окончен» и «долгов рабочим людям еще остается 1 635 рублей» (11). В 1818 году он пошел даже на финансовое нарушение. Обнаружив при обезде своего благочиния в Кежемской Спасской церкви неоприходованные 1 000 рублей, взял их на достройку Петропавловской. По этому поводу Пономарёву пришлось писать объяснительный «репорт» иркутскому епископу (12).

Для одного из авторов статьи имя Алексея Михайловича послужило толчком к началу архивных поисков об истории села, так как было знакомо из документов, которые обнаруживались в детстве в пустовавшей в советское время церкви. Курьезный случай: однажды ребятишки нашли целое письмо на плотной синей бумаге с подписью: «Алексею Михайловичу Пономареву» и понесли его петропавловскому леснику Борису Михайловичу Пономарёву, — мол, письмо брата нашли. Потом уже рассмотрели год — 1812-й.

Из знакомства с документами об Алексее Михайловиче возникает образ человека неравнодушного, ревностно относившегося к церковной службе и делам, образ патриота своей церкви и села. Он пользовался авторитетом у прихожан и ценился епархиальным начальством. Не раз протоиерею Алексею Пономарёву предлагали переехать с повышением в Киренск, но он пожелал остаться в Петропавловске. В старости, несмотря на преклонный возраст, он совершал церковные обряды в далеких деревнях, проезжая на конях или проплывая в лодках иногда сотни верст. Сохранились записи в метрических книгах, что в 1829 году он крестил детей в

*Николай Александрович Пономарёв на могиле отца,
А.И. Пономарёва. 1913 г.*

деревнях Ичёрской и Дубровской — в 85 и 200 верстах от Петропавловской церкви. Где-то в тех местах на реке Лене и произошла трагедия — в сентябре 1829 года Алексей Михайлович утонул. Тело его было найдено и похоронено ямщиками Терешкинской почтовой станции в лесу у устья речки Каменной Мухтуйского прихода (в 600 верстах от Петропавловска) (13). В ежегодных клировых ведомостях Петропавловской Спасской церкви до 1839 года писалось, что «1-ое священническое место праздно, потому что протоиерей Алексей Пономарев потонул». А с 1850 года последующие 60 лет писалось, что Петропавловская церковь построена «тщанием протоиерея Алексея Пономарева» (и «при усердии прихожан и посторонних боголюбцев»).

Пономарёвы продолжали свое служение в Петропавловском приходе какое-то время и после смерти протоиерея Алексея Михайловича. Но все меньше и меньше оставалось Пономарёвых в Петропавловске. Их переводили в другие приходы, старики умирали, обучавшиеся в духовных заведениях дети теперь редко возвращались на прежнее место. К примеру, в 1830 году был посвящен в дьякона и переведен к Градо-Якутской Преображен-

ской церкви пономарь Михаил Евгеньевич Пономарёв. В том же году обучались: у дьякона Платона Алексеевича — сын Петр, у священника Алексея Петровича — сыновья Алексей и Симеон, у дьячка Дмитрия Петровича — сын Константин. Клир Петропавловской церкви еще сохранялся почти в полном «пономарёвском» составе и в 1830-е годы, но в 1839 году, после смерти священника Алексея Петровича Пономарёва (около 1789 – около 1839), его впервые за много лет возглавили другие священники — Попов и Берденников.

В конце 1851 года в Петропавловск вернулся, став 1-м священником Петропавловской церкви и благочинным 2-го благочиннического участка, Петр Платонович Пономарёв — вторая, после Алексея Михайловича, незаурядная личность, его внук. Отец Петра, дьякон Платон Алексеевич, умер в 1843 году, мать проживала в Петропавловске.

П.П. Пономарёв родился в Петропавловске 11 апреля 1819 года. Он учился в Иркутской духовной семинарии и по окончании ее в сентябре 1840 года был определен учителем в высшее отделение Иркутского духовного уездного училища по классам греческого языка, географии и арифметики. Летом 1842 года

Николай Александрович Пономарёв на палубе парохода
«Карл Винберг». 1913 г.

П.П. Пономарёв был перемещен инспектором в Нерчинские духовные училища и учителем в высшее отделение уездного училища по классу греческого языка и «соединенных с ним предметов» (география, арифметика). Помимо того, «при возложенных на него должностях», он преподавал в разное время в высшем отделении Нерчинского училища пространный катехизис, Священную историю и нотное пение, а также греческий язык в низшем отделении уездного училища.

В период своей учительской деятельности Петр Платонович сумел поставить дело обучения так, что от правления Иркутской духовной семинарии, в ведении которой тогда находилось Нерчинское училище, он трижды удостаивался благодарности. Так, 16 сентября 1844 года «изъявлена ему» благодарность от правления Иркутской семинарии с утверждения архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Нила (Исаковича) «за приготовление учеников Нерчинских духовных училищ к переводу в семинарию лучше учеников других училищ». В 1846 году, также при переводе учеников в Иркутскую семинарию, он был удостоен благодарности «за хорошее преподавание греческого языка и географии» (14).

Один из учеников П.П. Пономарёва в Нерчинском училище в 1840-х годах вспоминал, что «Петр Платонович по своей исправности, своим познаниям и педагогич[еской] опытности был один из лучших учителей Нерчинского училища. По греческому языку он достиг с нами таких успехов, что в высшем отделении училища мы могли свободно читать и переводить весь Новый Завет <...> были и такие ученики, которые довольно свободно могли переводить изустно под диктовку П[етра] П[латоновича] с русского языка на греческий. По географии — мы от доски до доски знали географию Арсеньева, могли свободно перечислить все города, реки, озера, горы и проч., о которых только упоминалось в географии Арсеньева, с безошибочным указанием их по стенным картам, развешанным по стенам класса. Был между нами и такой любитель географич[еских] карт, который мог указать безошибочно даже все mestечки и речки на большой карте Российской империи; бывало, нарочно отыщешь кое-какое-либо mestечко, означенное на карте самым мелким шрифтом, и скажешь: ну, Петя, найди такое-то mestечко; он идет и безошибочно указывает. Нам было даже непонятно при поступлении в семинарию, как это ученики других училищ затруднялись перечислить губернские города Российской империи, когда мы могли перечислить и указать по карте все уездные города. Помните, что никаких географ[ических] пособий, кроме стенных карт, у нас не было: об географ[ических] атласах мы не слыхали, даже глобуса не видали <...> И как ин-

Витимская Спасская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

спектор П[етр] П[латонович] оставил о себе добрую память. Он был строг, но справедлив. Я не помню, чтобы он кого-либо наказал несправедливо. Мы боялись его и, можно сказать, трепетали, но вместе с тем и глубоко уважали. Бывало, накажет тебя строго, а по-нынешнему, может быть, и жестоко за шалость или незнание урока, а придешь к нему на дом, он тебя и чаем с сахаром напоит и оладьями накормит, и ты все забудешь; еще хвастаешься, как тебя инспектор угостил» (15).

Уволившись с училищной службы, П.П. Пономарёв 14 октября 1851 года был рукоположен Высокопреосвященным Нилом в дьяконы и 22 октября в священники к Нерчинско-Заводскому Богоявленскому собору. 30 октября того же года он по своему прошению был направлен на родину, священником Петропавловской Спасской церкви, а в декабре 1851 года получил назначение на открывшуюся тогда же вакансию благочинного священника (16).

Такой священник был действительно значительной фигурой в далеком ленском селе. С его появлением оживилась духовная деятельность в приходе, увеличились пожертвования, был отремонтирован храм. Петропавловский священник не раз поощрялся епархиальным начальством за «отлично-усердную» службу и даже был награжден орденом Св. Анны 3-й степени (17).

Илимская Спасская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

Этот период деятельности отца Петра продолжался в течение почти 15 лет. Современник П.П. Пономарёва свидетельствовал: «Тому, кто знаком с нравственным состоянием населения этого края со времени открытия в соседстве его золотопромышленности, кто хоть понаслышке знает о таких деморализующих пунктах, находившихся в районе благочиннической деятельности о. Петра, как Витим, Мухтуя и др., тому будет понятно, какое тяжелое нравственное состояние должен был испытывать, ввиду этого зла, добрый пастырь, не имеющий никаких других средств на борьбу с ним, кроме одного своего слова... Тот, кто хорошо знаком с географией Киренского округа, в частности, с районом благочиннического округа 2-го участка, заключающего в себе разбросанное население на добрую тысячу верст, при отсутствии в крае сколько-нибудь сносных путей сообщения, в особенности по таким захолустьям, как Нижняя Тунгуска, — тот легко может себе представить всю трудность служения о. Петра в отдалнейшем уголке его негостеприимной родины, при ежегодных двухкратных объездах его по своему обширному благочинническому участку» (18).

В 1866 году нужды чисто семейного характера — забота об образовании своих детей — заставили отца Петра обратиться с просьбой к епархиальному начальству о переводе его в Иркутск. Тем более что к тому времени (еще до 1862 г.) в Петропавловске никого из служителей Пономарёвых, его родственников, не осталось. Петропавловский приход, конечно, многое потерял с отъездом Петра Платоновича.

По приезде в Иркутск отец Петр был назначен священником Знаменской церкви женского монастыря, где с присущим ему

усердием служил до своей кончины в феврале 1888 года более 20 лет. Все годы до самой смерти он был в числе священников, читавших проповеди в Казанском кафедральном соборе. Градо-Иркутское духовенство избрало его своим духовником.

Скоропостижная смерть сына Бориса, только окончившего курс семинарского учения, подкосила силы престарелого отца Петра. Он скончался, завещав похоронить себя рядом с покойным сыном. Опорой вдовы священника остался их старший сын Николай, которому отец Петр нашел возможность, несмотря на всегдашний недостаток в средствах, дать высшее образование. Николай в 1870 году окончил Иркутскую духовную семинарию «со степенью студента» и был «назначен к поступлению в Казанскую духовную академию» (19). К сожалению, дальнейшая судьба его неизвестна.

Таким предстает сегодня перед нами облик протоиерея Петра Платоновича Пономарёва: как учителя и наставника юношества, потом как сельского пастыря и администратора и, наконец, как заботливого семьянина.

В 1866 году с отъездом Петра Платоновича в Иркутск закончилось длительное пребывание Пономарёвых в Споловино и Петропавловске. Их жизнь и духовная деятельность продолжалась в других местах.

Наиболее длинную раскрытую родословную линию имеет другая ветвь Пономарёвых, прослеживающаяся до живущих в настоящее время потомков. Условно ее можно назвать «чечуйской» (с. Чечуйск в 25 верстах от Петропавловска вверх по Лене). Здесь стали жить потомки братьев Дмитрия и Алексея Петровичей. Известно, что в 1837 и 1838 годах дьячком Чечуйской Воскресенской церкви был Иннокентий (скорее всего, Алексеевич) Пономарёв (20). В 1838 году сюда был переведен из Петропавловска пономарь Афанасий Дмитриевич Пономарёв (около 1802–1884), служивший и в Чечуйске на пономарской должности. Его сын, внук пономаря Дмитрия, Дмитрий Афанасьевич Пономарёв после окончания Иркутской семинарии в 1858 году был направлен в Чечуйскую Воскресенскую церковь священником. Дмитрий Афанасьевич стал благочинным, одним самых уважаемых священников своего времени. После его смерти в 1887 году в Чечуйске некоторое время продолжал служение его сын Иоанн (в 1890 г. он был переведен дьяконом в Верхнеудинскую Спасскую церковь); другой сын, Сергей (1871 – после 1938), по окончании Иркутской духовной семинарии в 1893 году стал священником Киренского Спасского собора. В 1920-х годах после прекращения церковных служб в районе он продолжил служение в Иркутске.

Внук священника Алексея Петровича Пономарёва, Александр Иннокентьевич (1848–1908), в 1870–1880-х годах служил в Чечуйске псаломщиком вместе с Дмитрием Афанасьевичем, своим троюродным братом, а его сын Николай Александрович по естественному стечению обстоятельств с 1898 по 1902 год служит священником в Киренском Спасском соборе вместе со своим четвероюродным братом Сергеем Дмитриевичем Пономарёвым.

Родившийся в 1876 году в Чечуйске Николай Александрович прожил долгую (88 лет) и насыщенную событиями жизнь. Умер он в Иркутске 1 апреля 1964 года (21). Отметим лишь один факт из его биографии. В 1913 году, будучи членом епархиального ревизионного комитета, Николай Александрович сопровождал епископа Евгения (Зернова) в его поездке по Киренскому уезду для обозрения церквей и церковно-приходских школ, вел путевой дневник и много фотографировал. В опубликованном им описании поездки есть записи о Петропавловской и Спелошинской церквях (22). Вспомнил ли, знал ли он, что в этих местах родились и жили его дед, прадед, прародед? На сегодня это самая длинная родословная линия в роду Пономарёвых — более 250 лет.

Еще один ряд представителей рода Пономарёвых с первой четверти XIX века пребывал в селе Витимском Киренского уезда (в 335 верстах от Петропавловска вниз по р. Лене). В 1823 году священником Витимской Спасской церкви был определен Николай Михайлович Пономарёв (около 1783 – около 1834). До того, будучи посвящен в священники в 1811 году, он служил в Куйтунской Ильинской церкви. Известно, что в 1834 году он по-прежнему оставался витимским священником, а в 1830 году дьячком при церкви был его старший сын Иннокентий.

Почти 40 лет прослужил в Витимской Спасской церкви младший брат чечуйского Дмитрия Афанасьевича — Никанор Афанасьевич. Родился Никанор Афанасьевич около 1841 года. Обучался в Иркутской духовной семинарии, затем служил последовательно псаломщиком, дьяконом и помощником ключаря при Иркутском кафедральном соборе. В 1867 году он был рукоположен в священники к Илимской Спасской церкви, где стал исполнять и должность духовника Илимского благочиния. В 1875 году по предложению епархиального начальства Никанор Афанасьевич перемещен к Витимской Спасской церкви. В селе Витим он и окончил свое житие, прослужив около 40 лет. Его духовный путь изложен в некрологе, написанном Петропавловским священником Михаилом Мацуевым. В нем, в частности, говорится: «Поступивший в Витим в дни его нравственного разложения, в дни грабежей и постоянных разбоев или так называемой „охотой на

Мухтуйская Николаевская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

горбачей** и когда там главною целью была нажива и поклонению золотому тельцу, о. Никанор, несмотря на свои еще молодые годы, не погрузился в бездну веселия и роскоши, а с присущей ему энергией проповедывал слово Божие, звал к лучшей христианской жизни, взялся за украшение тогда еще бедного Витимского храма и, располагая к пожертвованию состоятельных лиц, довел храм до приличного вида, подобающего дому Божию. Расчетливый и экономный во всем, он сумел увеличить и церковные капиталы. Обратил серьезное внимание на школьное дело, воспитывая юношество „развратного тогда Витима“ в страхе Божием. За свое ревностное и плодотворное служение о. Никанор не раз был отличаем, как своим начальством, так и прихожанами, получая от первого награды, а от вторых ценные подношения. Отличаясь ровным, спокойным характером, тактом, всегда жизнерадостный, покойный был желанным гостем во всех слоях Витимского общества. Умел ладить с людьми: у него не было ни раба, ни свободного, ни богатого, ни бедного, а

* Горбачами ранее на Лене назывались приискатели, возвращающиеся домой с золотом. На них-то и устраивали своего рода охоту. — Примеч. М. Мацуева.

ко всем он относился одинаково, не считаясь ни с происхождением, ни с религией человека» (23).

Умер Никанор Афанасьевич 3 мая 1914 года, будучи к тому времени заштатным священником. Погребен в церковной ограде Витимской Спасской церкви. Священником Витимской Спасской церкви и благочинным вместо него стал его сын Николай, окончивший Якутскую духовную семинарию, бывший священником Мухтуйской Николаевской церкви, а с 1905 года продолживший священническую стезю на месте своего отца вплоть до революционных перемен.

Известно также, что еще один, по крайней мере, служитель Витимской церкви в 1890-х годах носил фамилию Пономарёв — дьякон Михаил Иванович (род. около 1864 г.) (сыну его Иннокентию в 1896 г. было 6 лет).

Представители сполошинско-петропавловских Пономарёвых служили и в других местах. Их дети (сыновья) практически все учились в духовных заведениях, и упоминаемых в начале XX века священно- и церковнослужителей Пономарёвых стало так много, что разобраться в них без точных справок становится просто невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутскою епархиею // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. 7 ноября (№ 45). Прибавления, с. 544.
2. Иннокентий Святый, I-й Епископ Иркутский. Переписка посланника Владиславича об отправлении архимандрита Антония Платковского в Пекин // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. 6 июля (№ 27). Прибавления, с. 426.
3. Управление Иркутскою епархиею по кончине Св. Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. 20 февраля (№ 8). Прибавления, с. 84.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 482. Оп. 1. Д. 132. Л. 6 об.
5. Кокоулин П. Материалы для биографии святителя Софрония, извлеченные из архива Киренского Свято-Троицкого монастыря // Иркутские епархиальные ведомости. 1882. 22 мая (№ 21). Прибавления, с. 267–268.
6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 2. Л. 86.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6656. Л. 21.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 252. Л. 16 об.

9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1861.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2782. Л. 2.
11. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2560. Л. 1 об.
12. Там же. Л. 1–3 об.
13. Мацуев М. К столетию Петропавловской Спасской церкви Иркутской епархии Киренского уезда // Иркутские епархиальные ведомости. 1910. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 357.
14. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6463. Л. 95 об., 96 об.
15. С.М.С. Речь при погребении протоиерея Петра Платоновича Пономарева 21 [числа] февраля 1888 г. // Иркутские епархиальные ведомости. 1888. 26 марта (№ 12). Прибавления, с. 104–105.
16. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6463. Л. 96 об., 97 об.
17. Иркутские епархиальные ведомости. 1866. 16 июля (№ 28). С. 152.
18. С.М.С. Речь при погребении протоиерея Петра Платоновича Пономарева 21 [числа] февраля 1888 г. // Иркутские епархиальные ведомости. 1888. 26 марта (№ 12). Прибавления, с. 105–106.
19. Иркутские епархиальные ведомости. 1870. 25 июля (№ 30). Прибавления, с. 389.
20. ГАИО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об., 5, 26.
21. Подробнее о его жизни см.: Акулич О. Судьба сибирского священника // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 54–56.
22. Пономарев Н.А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне–июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 97–98.
23. Мацуев М. Священник Никанор Афанасьевич Пономарев: (некролог) // Иркутские епархиальные ведомости. 1914. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 423.

СЛОВО ОБ АНАТОЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ПРЕЛОВСКОМ

*Лариса Владимировна
Мельникова,
кандидат исторических наук,
археолог, этнограф,
г. Иркутск*

*Вадим Станиславович
Николаев,
кандидат исторических наук,
археолог,*

В середине января 2009 года в Иркутск пришло известие о том, что в Москве 23 декабря 2008 года на 75-м году ушел из жизни наш земляк — поэт Анатолий Васильевич Преловский. Как любая информация подобного плана, это известие болезненно откликнулось в душе, и мы невольно мысленно стали подсчитывать года знакомства, вспоминать мимолетные встречи, короткое сотрудничество в подготовке к публикации одной из его многочисленных книг и, конечно же, сам момент знакомства.

Мы знакомились дважды. Первый раз зимой 1997 года — после выхода в свет монографии одного из авторов данной статьи Л.В. Мельниковой по этнографии тофалар. Однажды у нас дома зазвонил телефон и незнакомый голос (потом оказалось, что это был голос известного в Иркутске литературного критика и телережиссера Теофиля Коржановского) сказал, что из Москвы передана для нас книга и ее автор желал бы в скором будущем поближе познакомиться. В назначенное время получили небольшой сверток, в котором находилась книжка — «Шаманские песнопения», выпущенная к 135-летию одного из первых собирателей тюркского фольклора Н.Ф. Катанова. На титуле значилось, что состави-

телем является лауреат Государственной премии Анатолий Преловский, осуществивший художественные переводы шаманских текстов, собранных Н.Ф. Катановым в период 1878–1892 годов, и что эта книга впервые в России знакомит с текстами песнопений тюркского шаманского ритуала в художественно-поэтическом переводе на русский язык. На титульном листе рукой автора, обладателя широкого размашистого почерка, было написано: «Спасибо за книгу „Тофы“, где так не хватает фольклора. А книга хороша. Анатолий Преловский, август 1997 г. Москва».

Быстро тексты шаманских песнопений не читались, они требовали времени и осмысления, но не отпускали. Вскоре появилась мысль о том, что все эти тексты содержат недюжинную информацию о понимании кочевниками Мира, начало которой теряется в глубине тысячелетий. Как результат чтения возникла потребность познакомиться с другими подобными переводами. В нашей библиотеке стали появляться эпические поэмы различных сибирских этносов, серийно издаваемые в Новосибирске. Однако в них не оказалось той изюминки, которая бы привлекала к себе. Тексты казались механическими, страдали не всегда рифмованным переводом, трудно воспринимались. От них веяло своеобразной мертвечиной. В голове не укладывалось, что из поколения в поколение особые люди — хранители текстов, заученных ими наизусть, вечерами в юртах (чумах) нараспев читали огромные куски сказаний. И все, кто приходил и уже неоднократно слышал событийную канву, завороженно глядя в огонь, вновь и вновь сопереживали герою?! Наверняка были любимые отрывки, а может и такие, которые соответствовали настроению слушателей или отражали сложившуюся сиюминутную ситуацию и, соответственно, подсказывали какой-то выход! Во вступительных статьях авторы публикаций отмечали, что с переводом на другой язык (русский в том числе), к сожалению, теряется музыкальность эпического слова. Так купленные книги оказались на полке «до лучших времен».

Второе знакомство с Анатолием Преловским состоялось летом 1999 года, когда в один из своих приездов в Иркутск он пришел к нам домой. Это был человек невысокого роста, слегка полноватый. На вопрос, что его привело к нам, он ответил, что желает обратить внимание на мощный пласт духовной культуры, содержащийся в эпосе, сказках, загадках, песнях, который старательно обходят и этнографы, и археологи. В состоявшемся разговоре вскоре мы сошлись во мнении о том, что нас (историков) не нацеливали работать с эпическим текстом, а учили фиксировать следы материальной культуры. В память о состоявшемся знакомстве А.В. Преловский подарил нам две бесцен-

**Анатолий
Васильевич
Преловский**

ные книги. Одна из них — «Девять шаманских бубнов» — художественные переводы бурятских шаманских текстов из фольклорного собрания М.Н. Хангалова, другая — бурятское сказание «Великий Гэсэр», вариант улигершина Пёохона Петрова (1866–1943), который слышали жители Балаганского, Нукутского, Аларского районов Иркутской области. Сказание записано Ильей Мадасоном в 1940 или 1941 году. Подстрочный перевод к первой научной публикации сказания (1960) выполнен доктором филологических наук А. Улановым. Из предисловия следовало, что прежние издания текстов «Абай Гэсэра» являются сводными, то есть собранными по

всей территории проживания бурят, включая Предбайкалье и Забайкалье. Ценность нового издания заключалась в том, что в нем представлены тексты западных бурят и впервые в истории осуществлен их полный художественный перевод. Обе книги изданы в Москве Академией поэзии (1999). Конечно же, в нашей библиотеке имелось двухтомное издание «Абай Гэсэра», изданное в Улан-Удэ (1986), художественный перевод которого был выполнен Владимиром Солоухиным. Получив вторую книгу, невольно захотелось сравнить ее с этим переводом. Результатом явилось потрясающее авторское сопереживание событийной канве, поражали яркость сюжетных зарисовок, присутствие в тех или иных ситуациях цветовой и числовой символики. В голове снова возникла картина вечернего костра, вокруг которого сидели усталые люди и слушали мерный, возможно, немного скрипучий старческий голос знаменитого на всю степь Предбайкалья улигершина Пёохона. Такой текст возникало желание читать, потому что он уводил за собой в то далекое неведомое, которое очень хотелось понять. Другими словами, фольклорный текст был адаптирован к поэтике русского языка, соответственно стал привлекательным. Невольно хочется провести аналогию со «Сказкой о рыбаке и рыбке», известной всем нам в поэтическом изложении А.С. Пушкина. С этого момента на наших лекциях зазвучали отрывки из эпических произведений бурят, эвенков, якутов, тофалар, которые оказались своеобразными драгоценными камушками, высвечивающими своими гранями отдельные стороны жизни этносов.

А.В. Преловский — потомок одного из иркутских священнослужителей XIX века П. Преловского, не только занимавшегося миссионерской деятельностью, но и собиравшего разнообраз-

ную информацию об инородцах, с которыми ему приходилось встречаться. Отдельные его статьи были опубликованы в Записках и Трудах Иркутского губернского статистического комитета в середине XIX века. Детство Анатолия Васильевича прошло среди бурят. Именно в это время он услышал различные тексты сказителей улигиров. А в студенческие годы, учась на филологическом факультете Иркутского госуниверситета, он познакомился с удивительным сказителем Аполлоном Тороевым. Именно публикация литературного перевода его анималистических сказок стала для А.В. Преловского своеобразным счастливым билетом в будущее. Трудная послевоенная жизнь заставила его работать в разных местах. Он был геологические шурфы в тайге, гонял скот из Монголии, работал в Якутии и везде слушал и записывал различные тексты, постепенно погружаясь в их язык. Накопленная информация требовала выхода. Появились сценарии к трем фильмам — «От снега до снега», «Человек за бортом» и «Красные дипкурьеры». Вышедшие в прокат фильмы оказались не известны широкому зрителю. Шло время, но интерес Анатолия Васильевича к сибирскому эпосу не только не

*Шишкинская писаница. Осень на реке Лене.
Фото В. Николаева, 2002 г.*

Шишкинская писаница. Участок, где находится изображение всадника со штандартом. Фото В. Николаева, 2002 г.

пропадал, но и все больше усиливался. Его знакомство с широким кругом фольклористов, этнографов, лингвистов, археологов позволило продолжить любимое занятие — литературные переводы древних текстов. Так появилась целая серия книг, среди которых «Сибирские сказания» (М., 1991), «Поэзия древних тюрков (VI—XII веков)» (М., 1993), «Ня — отец Земли» (Красноярск, 1994), «Колчан сердечных стрел» (Красноярск, 1995), «Родник из-под камня» (М., 1999), на двух языках — «Кан-Кыс» (Кызыл, 1992) и «Эле — хранитель Эдека» (Якутск, 1993). Книги оснащены подстрочными переводами и комментариями специалистов. За великолепные поэтические переводы фольклорных текстов народов Сибири Анатолий Васильевич стал лауреатом Государственной премии СССР. Позднее ему было присвоено звание академика.

Каждый новый приезд Анатолия Васильевича в Иркутск (здесь жила его мама — Нина Владимировна) отмечался его встречами в публичной библиотеке имени И.И. Молчанова-Сибирского со студентами, филологами, журналистами, поэтами, а мы получали в подарок новое издание переводов. В нашей библиотеке оказа-

лись книги: «Поцелуй на скаку» — любовный фольклор XVIII – начала XX века (М., 2001) и «Северный эпос» — героические сказания по записям XVIII–XX веков (М., 2003). Так происходило постепенное погружение в широчайший пласт не только ритуальных текстов, кочевнической героики, но и любовной лирики, где кипела страсть, далеко не всегда счастливо завершавшаяся. Вскоре нам поступило приглашение от А.В. Преловского поучаствовать в выпуске двух книг. В первой — «Кругобайкальский фольклор (памятники VI–XX вв.)» — отдельной статьей, которую нам предложили написать, предполагался исторический экскурс в расселение этносов вокруг священного озера. Для второй книги — «Страна жаворонков (фольклор западных бурят XIX–XX вв.)» — он попросил у нас для оформления копии петроглифов с Шишкинской писаницы. Обе книги вышли в Москве (2004, 2005). Таким образом и нам удалось приобщиться к великому делу, начатому Анатолием Васильевичем, а именно к популяризации фольклора, с которым не знакомят в школе и на музейных экскурсиях. К великому сожалению, этот пласт культуры все еще остается достоянием лишь филологов и лингвистов.

Наша последняя встреча состоялась в 2006 году. В планах Анатолия Васильевича была работа над бурятскими текстами, собранными известным в свое время исследователем Жамцарано. Для этого он попросил у нас полевые дневники Жамцарано, выпущенные накануне в Улан-Удэ. А для читателя в Москве уже была подготовлена к печати следующая серия книг: «Фольклор сибирских татар», «Самые короткие сказки для самых маленьких», «Кругобайкальские сказания», «Фольклор, собранный православными миссионерами в XVII–XX вв.», «Сказания Алтая», «Фольклор западных бурят» в двух томах, «Сибирский эпос» в четырех томах, «Поэзия сибирских верований VI–XX вв.» — переводы текстов (шаманизм, манихейство, тенгрианство, бурханизм), «Монгольская народная поэзия XIII–XX веков», «Народная поэзия Саянских тюрков XIX–XX веков», «Якутский фольклор XIX–XX веков», «Чингисхан в зеркале фольклора XIII–XX веков», «Алтайский фольклор XIX века», «Фольклор тунгусо-маньчжурских народов Сибири в записях XVIII–XX веков», «Неизвестные сказки народов Сибири», «Антология сибирского фольклора» в семи томах. Чтобы выпустить все это богатство, необходимо было финансирование. Нам неизвестно, увидела ли свет хотя бы часть из перечисленных работ. Ясно одно, что в ближайшее время в иркутских библиотеках не появятся новые переводы А.В. Преловского, ибо свои книги в Иркутск он привозил сам. Так уж получилось, что еще при жизни поэта его публикации стали редкостью!

*Шишкинская писаница. Композиция со всадниками.
Верхнее изображение всадника легло в основу герба
Республики Саха (Якутия). Копии петроглифов
выполнены Л.В. Мельниковой и В.С. Николаевым*

Говоря о приобщении авторов статьи к сибирскому фольклору, хочется привести пример, связанный с нашей научной деятельностью. В Качугском районе на правом берегу Лены имеется знаменитая Шишкинская писаница, которая является местом поклонения двух этносов — якутов и бурят. Еще в 20-х годах XX века якутский ученый Г.В. Ксенофонтов собрал фольклорный материал по мифологии и легендарной истории якутов. В нем говорилось, что родовые земли этноса когда-то располагались вблизи Байкала. Однако в силу исторических обстоятельств, связанных с формированием империи Чингисхана, люди были вынуждены уйти на север. Дорогой послужила река Лена. Человек, от которого якуты ведут свое происхождение, имел имя Эллэй, или Эр Соготох. Весь сборник легенд, собранных на данную тематику в прозе, Г.В. Ксенофонтов назвал «Эллэйада» (1997). В соответствии с текстами Г.В. Ксенофонтова А.В. Преловский много лет тому назад создал поэтический перевод сказания об Эр Соготохе. Начиналось оно следующим образом:

Кто принес нам сказание это,
кто донес к нам сказание это,
что намокло слезами людскими,
что пропитано солнцем паящим,
что исхлестано ветром и снегом?
Ёксёю — трехголовая птица,
поднебесная птица святая,
чьи глаза — как далекие звезды,
чье клохтанье — как отзвуки грома,
олонхо опустила на землю
с бесконечно-высокого неба.
Там, где древнее солнце, на небе,
вьет гнездо себе дивная птица —
не чета ни орлам, ни казаркам:
это память бессмертная предков.
Век — что миг для нее, не страшны ей
ни морозы, ни грозы, ни бури,
все земные подвластны ей дали,
все земные доступны пределы.
Лишь трех зол эта птица боится:
то беспамятность, неблагодарность,
равнодущие — беды людские,
от которых нередко страдают
обитатели Среднего Мира,
что приленский простор населяют,
славя Землю, чтоб вечно кормила.
А когда Ёксёю прилетает?
А тогда, в то жестокое время,
в ту суровую пору, как беды
нападут на народ и посеют
в душах черную пыль равнодушья, —
и расхочется жить и трудиться,
и забудутся песни и пляски.
Вот тогда благородная птица
прилетает с высокого неба
и приносит с собою на землю
не волшебные снадобья в клюве,
не бальзам чудодейственный в лапах,
а другое, другое лекарство
от трех зол, разрушающих душу.
Прилетит эта птица и сядет
на скале, от заката багровой,
и расскажет вот эти легенды,
перескажет вот эти преданья,

и вот это напомнит сказанье —
зазвучит вековечное слово,
и откроются души для знанья
всех, кто слушать и помнить готовы.

По мнению якутов, на одной из скальных плоскостей Шишкинской писаницы изображен «славный боотур» Эр Соготох. Он верхом на лошади возвращается из военного похода с добычей — гонит верблюдов. Именно этот рисунок всадника со штандартом в руке находится на гербе Республики Саха (Якутия). Неоднократно мы были свидетелями того, как коллеги из Якутии совершали обряд жертвоприношения священным скалам. По их представлениям, именно здесь Эр Соготох выслушал последние наставления отца и простился с ним:

А он сам балаган тут поставил,
и с отцом тридцать дней они жили
у истоков реки неизвестной,
зapasаясь едой на дорогу —
дичью, мясом лосей и оленей.
Перед тем, как отправиться дальше,
стал Тайма говорить о разлуке:
«Сын мой, я до рассвета, однако,
отойду к божествам наших предков,
но пешком-то туда не дойду я.
Потому уж со мною в могилу
уложи ты коня запасного,
чтоб верхом бы я вовремя прибыл
в ханство нашего древнего бога
и ему о тебе рассказал бы —
как ты добр был ко мне и заботлив.
Ты меня в этом мире продолжишь —
так прими от меня три завета.
Коль жениться — женись на здоровой,
не любимой, но верной и доброй,
чтоб наш род на чужбине восставить
в поколеньях потомков могучих.
Коль соседствовать — только лишь в мире,
всё хорошее перенимая
у людей, что умней и искусней,
сам делясь с ними всем, что умеешь, —
лишь тогда ты им будешь желанным.
Коль что помнить — то наши преданья,
наши песни, обряды, приметы,

береги их — себя сбережешь ты». Вдалеке от родимого дома сын отца схоронил в диком месте — головою к Байкалу святому, а ногами к реке неизвестной.

Вот этот поэтический стиль и заставил по-иному взглянуть на статичные изображения многофигурных композиций на «багровой скале» — красноцветном песчанике. Перед глазами разворачивается панорама — пыльная дорога, едущие верхом на лошадях люди, повозки, запряженные быками, слышны тягучее мычание уставших животных, скрип ремней, топот лошадиных копыт, горланные крики возниц. Живой поток направляется к священной скале, у которой необходимо почтить память предков еще до захода солнца, а вечером, сидя у костра, слушать, попыхивая трубками, продолжение древнего сказания...

Был в пути он неведомо сколько,
плыл и плыл на плоту по теченью.
Мыл его нескончаемый ливень,
мял его нескончаемый ветер,
бил кустарник его прибережный,
но течение Эр Соготоха
берегло от камней и порогов.
Берега проплывали, пустынны
и тихи, — там стада не водились,
табуны средь травы не бродили,
только лоси порой к водопою
выходили, да только медведи
на мысах занимались рыбалкой.
Ни домов, ни людей не встречалось*.

Монета достоинством в 10 рублей
с гербом Республики Саха (Якутия).
2006 г.

* Текст воспроизведен по: Кругобайкальский фольклор (памятники VI—XX вв.). М., 2004. С. 46–47, 60–61, 63.

МИКРОТОПОНИМИЯ ПРИЛЕНЬЯ

*Марина Анатольевна Матюшина,
заведующая отделом фольклора
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Топонимика — учение о географических названиях, топонимия — сами эти названия. Среди топонимов разных типов наименее изучены **микротопонимы** — собственные наименования небольших географических объектов, известность которых ограничена узким кругом местных жителей. Известный ученый А.С. Герд подчеркивает, что «особого внимания заслуживает микротопонимика (названия небольших рек, озер, их берегов, рыболовных тоней, ручьев, порогов, оврагов, урочищ, долин, лесов, просек, покосов, полян, болот, их частей). Она может быть добыта почти исключительно полевым методом, собрана микротопонимика хуже всего, да и забывается быстрее, чем названия деревень, поселков, хотя имеет исключительное значение для истории народа» (4, с. 14). Следует согласиться и с С.П. Васильевой, которая высказывает суждение о том, что наиболее интересным слоем онимов в ономастическом пространстве старой сибирской деревни являются «микротопонимы, отражающие менталитет сибирских первопоселенцев, являющиеся частью языковой картины мира наших предков на суровой сибирской земле. Географические названия отражают все, что имело значение для человека на небольшом обжитом пространстве» (3, с. 151).

По мнению исследователей, топонимия отражает внимание крестьян к природе и умение ценить ее красоты, в топонимиконе проявляется «дружеское расположение» к наименованиям географических объектов, за которым стоит бережное отношение к среде обитания (2, с. 133). Внешне это выражается в большом количестве топонимов с субъективно-оценочными значениями.

Наши материалы подтверждают это наблюдение: в русской топонимии Приленья зафиксировано большое количество уменьшительно-ласкательных и экспрессивных названий. Напри-

мер, речка *Мёленка*, место на реке *Половинка*, место *Речушка*, яма на реке Лене *Окуньки*, болото *Кругленько*, ручей *Узенький*, поселок *Кирпичики*, место за деревней *Лятачок*, поле *Озерки*, гора *Заключонка*, сопка *Медвежка*, место в лесу *Молодёжка*.

Анализ микротопонимов Приленья показывает, что носители языка хорошо знают свой говор и могут дать ценные сведения о признаках, которые легли в основу номинации географических объектов. В «языковом сознании» носителей диалекта происходит осмысление связей между словами, осмысление внутренней формы слова и его значения. Например, ручей *Буркальник*, который весной превращается в бурный поток, в народном сознании, вероятно, ассоциируется со словами *бúркать* (говорить бормотом, ворчать невнятно, бормотать) или *бúрканье* (ворчанье, гул, глухой говор) (5, с. 143). Название переката *Мыльничиха* соотносится с устойчивым выражением (*Весь в мыле*) (устал, измучился до того, что вспотел) (8, с. 317). Согласно одному из преданий, тунгусы, когда переходили перекат, были «все в мыле» [примеч. 6].

В языковом сознании людей, использующих топонимические названия, происходит осмысление признаков, легших в основу номинации явлений, даже в тех случаях, когда между словами нет словоизводственной связи. При этом наблюдается установление новых словоизводственных связей и создание на их базе лексической мотивированности. О значимости мотивации слова в процессе языкового общения говорят факты так называемой народной (ложной) этимологии, «которая объясняет происхождение слов и имен на основе сходства их с более известными и понятными или же на основе легенд и преданий» (7, с. 102). Например, названия небольших рек *Мýка*, *Кýпа* и *Кýта* в Усть-Кутском районе Иркутской области в народе связываются с характером путей следования казаков (начало XVII в.) из Енисейска на Лену. По преданию, от реки Иlimа они перетаскивали до следующей речушки лодки волоком — *мучились* (отсюда *Мýка*). *Мýка* впадает в *Кýпу*, славящуюся тихими заводями. В этой реке купались казаки. *Кýпа* впадает в *Кýту*. На этой реке, недалеко от цели своего назначения, казаки *кутили*. Вместе с тем, как отмечает Т.В. Сергеева, все эти названия могут восходить к эвенкийским: *мука* — «шкура с шеи оленя», *купэ* (в русском звучании *купа*) — «шуба», *кута* — «трясина, болотистое место» (7, с. 103). *Коренéц* — зимовье в лесу. По свидетельству информанта, существует предание, что давным-давно пришел на это место охотник, ему здесь очень понравилось, и он решил построить зимовье, а сруб рубил «венцом». Вот и образовалось название зимовья из двух слов: «корень» и «венец» [примеч. 6].

*Село Верхоленск на реке Лене.
Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой, 1998 г.*

Известно, что в основе мотивировок географических наименований лежат факты внелингвистические, характеризующие форму, цвет, размер, местоположение объекта, производимое им впечатление. На основе обобщения мотивировочных признаков формулируются принципы номинации. Под принципом номинации понимается главное направление, по которому идет связь слова с называемыми объектами.

Исследуемый микротопонимический материал Приленского края позволяет выделить три способа номинации: 1) номинация объекта по его связи с человеком; 2) номинация объекта по связи с окружающими объектами; 3) номинация объекта по свойствам и качествам.

1. Номинация объекта по его связи с человеком.

Данный принцип номинации реализуется преимущественно в микротопонимах отантропонимного происхождения, то есть образованных от антропонимов (имен собственных). Пашни, покосы, поля, чистки, стоянки, зимовья, охотничьи угодья, огороженные участки для выпаса скота, сельскохозяйственные постройки и

другие объекты часто получали названия по именам, отчествам, фамилиям и прозвищам их владельцев.

Микротопонимы такого рода нашли отражение в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой. В нем представлены названия небольших географических объектов Приленья (урочищ, полян, лесных массивов, пашен, покосов, пастбищ, выгонов и т. д.).

«АБАКУМОВСКАЯ ПАДЬ. Название местности в долине р. Ильда (в Жигаловском районе Иркутской области).

Там падь широка, на Ильде, Абакумовская падь, там пугало всё <...>. А там мельница стояла, в Абакумовской паде же. Раньше-то её Абакум держал, дедушка Замащиков. Нарекали-то по именам раньше-то. Фамиль-то одна была — Замащиковы» (1, с. 88) [примеч. 1].

«АВДЕЕВСКАЯ ЧИСТКА. Название участка пахотной земли, разработанной крестьянином Авдеевым (Киренский район Иркутской области).

Там много чисток этих было. Народ же сам подымал жизнь. Раньше поле-то не звали, чистка звали. Оне все на еланях, на островах: на Сенном острову, на Сосновом, на лугах, на косогорах. Петряны чистки, Ершова чистка, Петрушина чистка, Максимушки чистка. Там Степановска чистка, Савельевых чистка. А там речка Мельнишина. Там мельница стояла в речке, колесуха, речку перекрывала через <...>. Хлеб сеяли вот на этой на Авдеевской чистке, он там хороший рос» (1, с. 134) [примеч. 2].

«АНАЙСКОЕ СТОЙБО. Стан крестьянина Аная в тайге (зимовье и отдельные постройки), используемый в период заготовки кедрового ореха.

...Но там-то не одно *Анайское стойбо*. Там много зимовий. Оне же из брёвен, без окон. Там мы всё орехи ложили. Там два засека: один — под шишку, другой — под чистый орех, две ссылки. Там и позавозни под лиственничным корином на моху. Раньше же у всех были свои стойба <...>, у каждой деревни. Большедворово держали стойбо по ручью, ручей Кругленький; вот там Григорьевско стойбо, Богатырёвско, Андреевско стойбо, Тепляшинско <...>. Шеметово, дак у их в Широкой пади много там: Петровановское стойбо, Юдинское, Вагинское стойбо. Усть-тальминские вот по ручью Узенькому; там Герасимовско стойбо. У житовских своё: Фёдоровское стойбо, Никифоровское там, Большедворское было, Афанасьевское стойбо. Челпановские стойба там тоже, вот Ефимовское стойбо, Ефима Ивановича Пермякова стойбо, Егоровское — Ивана Егоровича Савинова, Назарова изба на реке Турук — Назара Осиповича Пермякова, потом Савинско стойбо — Назара Назаровича Сави-

Деревня Обхой на реке Куленге (Качугский район Иркутской области). Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой, 1990 г.

нова там. Никоново стойбо. Никона Семёновича Козазоева, оно на Байцехе стоит. На Байцевском руччу орешник держал Михаил Фёдорович Пермяков, а потом его сын Фёдор Михайлович <...>. А **Анайское стойбо** — Аная Сергеевича Савинова. Само лучше было вот это **Анайское стойбо** деда Аная» (1, с. 325–326) [примеч. 3].

Приведенные примеры показывают, что мотивирующим признаком микротопонима может быть имя хозяина (*Ефимовское стойбо* — Ефима Ивановича Пермякова), отчество (*Егоровское стойбо* — Ивана Егоровича Савинова), фамилия (*Савинско стойбо* — Назара Назаровича Савинова).

Названия земельным угодьям давались и по прозвищам их владельцев. Например, угодье *Царёво* (принадлежало зажиточному крестьянину Гилёву по прозвищу Царёк); урочище *Гомзек* (принадлежало местному жителю Гомзякову, по прозвищу Гомзек).

Второй признак, по которому осуществляется данный принцип номинации, — это хозяйственная деятельность человека, род его

занятий. В географических названиях Приленья отражаются разные сферы хозяйственной деятельности человека: охота и рыболовство, промышленность и строительство, сельское хозяйство, различные ремесла и промыслы.

Например, распадок *Кулёма* в Киренском районе (кулёма — стационарная ловушка давящего типа); озеро *Охотничье* (в этом водоеме плавают утки, на них охотится местное население); место на реке Лене *Рыбачка* (здесь местные жители ставят корчаги, в которые попадает в основном мелкая рыба); ручей *Угольный* (вблизи этого ручья стояла угольная, где выжигали уголь); дорога *Тракторная* (именно по этой дороге стали возить лес на тракторах. До сих пор на дороге стоит первый американский трактор НД-10, от которого пошло название данной дороги); поселок *Кирличики* (до 1960 г. поселок назывался Гарь; в 1960 г. построили кирпичный завод, и поселок был переименован); урочище *Крольчатник* (здесь разводили кроликов); речка *Телячиха* (недалеко был выгон местных телят); *Коровинские полянки* (лесные поляны, на которых пасли скот местные жители), скотоферма *Коровка* [примеч. 7; 8].

2. Номинация объекта по связи с окружающими объектами.

Этот принцип реализуется через следующие признаки: 1) расположение объекта относительно другого; 2) отношение одного объекта к другому.

В микротопонимах Приленья содержится информация о расположении одного географического объекта относительно другого (вблизи ручья, возле реки, за рекой, на берегу, под горой, на горе, на хребте, под камнем, возле леса и т. д.).

«БЕРЕНДИЛОВСКАЯ ЧИСТКА. Название пашни в Киренском районе Иркутской области.

В Берендиловой много было чисток-то. Раньше же они были отдельно всё. Я же их пахала и сеяла, я же их знаю. *Берендиловская чистка*, *Колесникова чистка* была два гектара, *Шабанова чистка* тут у молотилки, потом *Оларинская чистка*, она гектар пятнадцать была, она в низине была. Её как наводнение, так затопляло всюю. Даже посев затопляло один год. Потом идёт *Чипчалка*, та гектара два с половиной. Потом *У канавы* (раньше канаву копали, озеро хотели осушить), называлось *У канавы*, там гектара четыре. Потом там было *За озером* — озеро у нас большое, длинное, там гектар, наверно, двадцать полоса, большая. Счас всё запустили, ничего не пашут. Потом *Крескомская* была полоса, там у самого лесу была она, ну, наверно, гектара три была. Тут, я забыла, как она, *Калтус*, *у Калтуса* гектар семь была, наверное. *У берёз*, тут берёзы стояли на бережку, *У берёз* была полоса гектара полтора. Я не любила маленькие пахать,

крутиться на них. Потом Гарь была. Гарь всю сеяли, Малышева полоса была гектар тринадцать» [примеч. 4].

Другие примеры: гора *Заключёнка* (находится за ключом); ручей *Боковой* (впадает в реку сбоку); ключи *Верхний Сильный* и *Нижний Сильный* (названы по месту выхода ключей на поверхность); урочище *Уельника*; деревня *Подъельничная*; деревня *Зaborье* (находится за бором, сосновым лесом); ручей *Подъярный* (течет под яром, обрывом большой горы); ручей *Конецпольный* (ручей, протекавший в конце поля, где косили); родник *Подгорный* (находится под горкой); покос *Спуск*, склад *Верхний*; склад *Нижний*; участки земли *Зады* (небольшие огороженные участки земли за домами, где пасутся козы, коровы, куда выпускают гусей) [примеч. 6; 7; 8].

Номинация по объекту, расположенному рядом: ключи *Еловый*, *Сосновый*, *Берёзовый* (расположены соответственно в еловой чащне, в березовой роще, в сосновом бору); ручей *Мельничный* (раньше на этом ручье была мельница); место на реке *Островная* (скопление островков); место в лесу *Вертолётка* (здесь была вертолетная площадка); участок дороги *Памятник* (из-за крутого подъема происходит много аварий, по обочинам дороги стоят памятники); яма на реке *Медвежка* (яма на речке, куда впадает ручей *Медвежий*); ручей *Островной* (ручей этот протекал по островку и впадал в р. Лену); ручей *Реписный* (протекает недалеко от поля, где выращивали репу); речка *Меленка* (на этой речке стояла маленькая водяная мельница); место на сопке *Разбитый самолет* (место захоронения останков погибших при аварии летчиков); место стоянки охотников *Мотороллер* (на дереве висит каркас от мотоцикла); покос *Домашний остров* (рядом расположены дома деревенских жителей); поле *Озерки* (весной вокруг поля разливаются небольшие озера) [примеч. 6; 8].

В названиях географических объектов отражаются их местоположение, характер местности, особенности ландшафта.

3. Номинация объекта по свойствам и качествам.

В основе наименования географического объекта лежит наиболее ярко характеризующий его признак. В микротопонимах находят отражение особенности объекта, его отличительные признаки: форма, размер, цвет объекта, производимое им впечатление, особенности флоры и фауны, приметы промыслово-хозяйственного порядка, другие свойства и качества.

Например, особенности флоры отражены в следующих микротопонимах: поле *Конопляное*, болото *Берёзовое*, поляна *Груздевая*, овраг *Репейник*, место в лесу *Березняки*, покос *Осиновый*, ручей *Реписный*, ручей *Черемшанск*, *Осиновская падь*, хребет *Ягодный*, урочище *Орешник*, дорога *Берестяная* (вдоль этой до-

роги росло много берез; именно сюда приезжали местные жители собирать бересту для выгонки дегтя); поляна *Кудрявая* (название произошло от названия цветка, который растет на этой поляне, — кудрявка, лилия с завитыми лепестками); урочище *Еловик* (еловик — разновидность рыжика, растущего в еловом лесу). Особенности фауны: поле *Селезнёвка*, озеро *Утиное*, сопка *Медвежка*, ручей *Медвежий*, яма в ручье *Змеиная*, озеро *Гагарье*, яма на реке Лене *Окуньки*, перекат на реке Лене *Ершовый*, деревня *Змеиново*, речка *Бобровка*, гора *Лисья*, озеро *Щучье* [примеч. 7; 8].

Номинация по форме объекта: озеро *Кругленькое*; поле *Квадрат*; покос *Круглый*; болото *Кругленькое*; озеро *Кривое* (сверху озеро имеет необычный вид: оно похоже на кочергу); пашенный надел *Стрелка*; подъем *Криевляки* (множество поворотов на коротком участке дороги); болото *Медвежья голова* (по форме напоминает медвежью голову); участок дороги *Американские гёрки* (*Верблюды*) (состоит из множества подъемов и спусков); гора *Шишка* (издали гора напоминает кедровую шишку: широкая у подножия, имеет заостренную кверху вершину); перекат *Любавское колено* (на этом участке, вблизи д. Любавино, р. Лена имеет изгибы, напоминающие колено).

Номинация по цвету: река *Чёрная*; ключ *Золотой* (текет прозрачная, чистая, целебная вода, так как вдоль ключа растет много смородины); ручей *Чистый*; болото *Керосинное*; сопка *Красный яр*. Номинация по другим свойствам и качествам объекта: покос *Глубокий*, пашня *Мокруша*, урочище *Сушник*, охотничье угодье *Сухой*, гора *Голец* (вершина горы совершенно голая), гора *Лыска*, место для отдыха *Пески*, участок дороги *Грязи*, подъем *Горелый* (отсутствие деревьев из-за пожара), участок реки *Долгий* (в этом месте река мелкая, и плыть приходится долго) [примеч. 6; 7; 8].

У водоемов характеризующим признаком могли быть цвет воды, форма (например озера), быстрота течения реки, каменистое или песчаное ее дно и т. д. Номинация по характеру те-

Галина Александровна
Шеметова из деревни Обхой.

Фото Г.В. Афанасьевой-
Медведевой, 2004 г.

чения, особенностям дна: ключ *Шумиха*, протока *Тухая*; перекат *Крутой* (из-за неровного дна река бурлит, как крутой кипяток); перекат *Шипичный* (тому, кто находится вблизи, кажется, что перекат шипит); яма, воронка на реке *Бурляк*; перекат *Шальной* (в этом месте очень сильное течение, вода бурлит и пенится); ручей *Пузырь* (дно ручья неровное, поверхность воды пузырится); ручей *Ямный* (на том месте, где ручей впадает в реку, образовались глубокие ямы); ручей *Дресвивый* (название произошло от слова «дресва» — мелкая галька); место в ручье *Водолад*; брод на реке *Каменка*. По объему воды, ее свойствам: речка *Пропаща* (название топонима произошло от слова «пропадать» — определить устье реки очень трудно: она течет в тундре, от болота к болоту, местами вообще пропадает); ручей *Сухой* (небольшой ручеек, появляющийся весной, летом полностью высыхает); речка *Талая* (не замерзает долгое время); ручей *Глубокий*; ключ *Солёный*; участок реки *Прорва* (в этом месте часто идут дожди) [примеч. 6; 7; 8].

Данный принцип номинации (номинация по свойствам и качествам) в количественном отношении значительно превосходит

Озеро Кругленъкое в долине реки Куленги.
Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой, 1991 г.

другие, рассмотренные выше. Этот факт подтверждает общепринятое в топонимических исследованиях положение, что существует зависимость принципа номинации от класса именуемых объектов: названия искусственных объектов главным образом имеют антропонимическую основу, так как в создание искусственного объекта вкладывается труд, энергия человека, а значительная часть природных (естественных) объектов, в возникновении которых человек не участвует, называется по характерным свойствам и качествам.

Нередко происхождение названия населенного пункта или другого географического объекта старожилы связывают с конкретным случаем, историей, легендой, преданием, поверьем и т. д. Э.М. Мурзаев отмечает, что «среди географических имен заметное место занимают названия данной местности, имеющие отношение к какому-либо событию, иногда совершенно случайному, так что в названии отражается какое-нибудь побоище, имя утонувшего в реке человека, или оно откликается на другое какое-либо изолированное явление, не имеющее никакого иного касательства, кроме отношения места, связи по месту происшествия» (6, с. 44).

Например, небольшая возвышенность в трех километрах от села Магдан Качугского района Иркутской области (на р. Куленге — притоке р. Лены) называется *Антошкин бугор*.

«АНТОШКИН БУГОР. Название небольшой возвышенности недалеко от д. Ихинигуй Качугского района Иркутской области.

Вот там рассказывали, что в этом месте Антошка с бугра упал и захлестнулся. И название тако: *Антошкин бугор*. А раньше, давно уж это было, *Бутухон* там жил, бурят. Шаман был. Он со скалы на скалу, говорят, прыгал. А скалы-то там — у-у-у! Он потом, вот *Житова деревня*, она же на две стороны: одна *Житова сторона*, друга *Бутухона*. Вот тут где-то, где Иннокентия Петрова колодец-то стоит, до этого места, говорят, туда была *Бутухонова деревня*, а тут *Житова*. И до сих пор так ешшо зовут» (1, с. 382) [примеч. 5].

В Киренском районе есть перекат *Свиной* и скала *Пьяный бык*. Происхождение этих топонимов связано со следующими историями: «Перевозили однажды на баркасе поросят из города Киренска в деревню Змеиново. При повороте в деревню баркас перевернулся, и все поросята утонули. В этом месте река имеет очень большое течение. С тех пор перекат называют *Свиной*» [примеч. 7]. «Раньше все груза перевозили на карбасах. Однажды на них везли вино и быков. Именно в этом месте река Лена имеет сильное течение. Перевозчики не справились с течени-

*Река Талъма (Качугский район Иркутской области).
Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой, 1991 г.*

ем, и карбас нанесло на огромную скалу, которая выступает в реку. В результате этого погиб скот и было утоплено вино» [примеч. 7]. Название ручья Золотой произошло от слова «золото»: «Однажды вблизи этого ручья охотники добыли глухаря, в зобе которого они нашли золотой самородок. С тех пор ручей так и называется» [там же].

Место в тайге недалеко от деревни Омолов в Усть-Кутском районе называется Идолы. По преданию, это заколдованное место: недалеко от деревни Омолов охотники высекли из деревьев фигуры трех тотемных богов и назвали место Идолы. Они считались покровителями охотников, в том месте хорошо ловилась дичь. Но никто не мог запечатлеть на пленку это место. Идолов невозможно сфотографировать: когда проявляли фотопленку, то оказывалось, что негативы были засвечены или изображение расплывалось. С тех пор место считают мистическим, таинственным, и не всякий рискует туда ходить [примеч. 8].

Почекунин остров. «Чуть выше Боярска этот покос находился. А вот история такая была. Значит, косили там сенокосчики, а на ночь и загуляли. А мимо в эту пору проезжал пристав. Почекунин

его фамилия была. Услыхал он, что сенокосчики пьяные песни орут, подъехал — и ну их розгами лупить! Всех проучил он. Знай теперь пристава Почекунина! Отсюда и название покосу» [примеч. 8].

Другие примеры: перекат на реке *Тополово* (по преданию, рядом в тайге находится зимовье, возле которого растет неизвестно откуда появившийся тополь); поляна *Змеиная* (поляна покрыта земляникой; по поверью, земляника является змеиной ягодой); ключ *Волчий* (здесь охотники деревни впервые добыли волка); ручей *Медвежий* (в долине ручья встретили медведя); скала *Чёртов палец* (очертаниями скалы напоминает палец; по поверью, под землей находятся владения черта; значит, это черт грозит пальцем); место в лесу *Кресты* (по преданию, два брата взобрались на дерево, спасаясь от медведя. Случайно выстрелило ружье у одного из братьев, и оба упали на землю — медведь задрал братьев. На этом месте поставлен крест) [примеч. 6].

Таким образом, в микротопонимии Приленья отражается история края, материальная и духовная культура русского населения Сибири, его мировосприятие и ментальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Записала Г.В. Афанасьева-Медведева от Михаила Борисовича Винокурова, 1930 г. р., проживающего в д. Лукиново Жигаловского района Иркутской области (1, с. 88).
2. Записала Г.В. Афанасьева-Медведева от Агея Мироновича Маркова, 1902 г. р., проживающего в с. Макарово Киренского района Иркутской области (1, с. 134).
3. Записала Г.В. Афанасьева-Медведева от Владимира Николаевича Петрова, 1918 г. р., проживающего в д. Усть-Тальма Каучугского района Иркутской области (1, с. 325–326).
4. Записала Г.В. Афанасьева-Медведева от Марии Федоровны Лыхиной, 1917 г. р., проживающей в с. Петропавловске Киренского района Иркутской области (Личный архив Г.В. Афанасьевой-Медведевой).
5. Записала Г.В. Афанасьева-Медведева от Галины Александровны Шеметовой, 1932 г. р., проживающей в д. Обхой Каучугского района Иркутской области (1, с. 382).

6. Записала М.А. Кривоносова от старожилов с. Ручей и д. Каймоново Усть-Кутского района Иркутской области (Личный архив М.А. Кривоносовой).

7. Записала Т.А. Ихсанова от жителей пос. Алексеевск, пос. Кирпичики, г. Киренска Киренского района Иркутской области (Личный архив Т.А. Ихсановой).

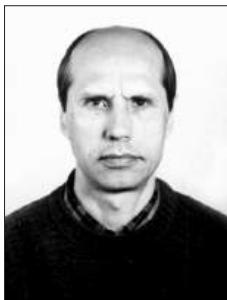
8. Записала Я.С. Капустина от жителей д. Турука Усть-Кутского района Иркутской области (Личный архив Я.С. Капустиной).

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1.
2. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998 гг.) // Известия Уральского университета. Екатеринбург, 1999. С. 128–142.
3. Васильева С.П. Топонимия старой сибирской деревни // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске. Красноярск, 1997. Т. 1. С. 151–152.
4. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб., 1995. 95 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1: А–З. 800 с.
6. Мурзаев Э.М. География в названиях. М., 1979. 123 с.
7. Сергеева Т.В. Содержание регионального компонента для вузовского и школьного курсов русского языка (Иркутская область): книга для учителя. Иркутск, 2001. 190 с.
8. Словарь русского языка. М., 1986. Т. 2: К–О. 736 с.

ПИСЬМА С ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

В 2007 году музеем «Тальцы» проводилась экспедиция по обследованию ленских деревень в Усть-Кутском и Киренском районах Иркутской области. Во время нашего пребывания в Глуховой Леонидом Ивановичем Марковым — последним жителем опустевшей деревни, были подарены в фонды музея письма Василия Селиверстовича Тирского. В.С. Тирский был родным братом его недавно скончавшейся жены Анны Селиверстовны. До самой смерти она бережно хранила письма и открытки брата, пропавшего без вести в Великую Отечественную войну. Некоторые из них мы и приводим на страницах этого журнала.

Публикуемые письма Василия Тирского были написаны в начале 1940-х годов и адресованы его родителям, братьям и сестре Анне. Отец Василия, Селиверст Васильевич Тирский (1893–1964), был крестьянином деревни Тирской Киренского района, располагавшейся в месте впадения реки Тиры в Лену. Мать — Анна Ивановна (1893–1980), уроженка деревни Глуховой Усть-Кутского района, находившейся в 12 километрах от Тирской вверх по течению Лены. В 20-летнем возрасте она вышла замуж за своего ровесника Селиверста Васильевича. В Тирской и родились все их дети: Дмитрий (1915 года рождения), Иван (1919 г. р.), Анатолий (1921 г. р.), Василий (1923 г. р.), Владимир (1927 г. р.), Анна (1931 г. р.) и Юрий (родился около 1933 г., умер в младенчестве). В 1940 году семья Тирских, продав дом в родной деревне, переехала в деревню Глухову.

Первые письма писались Василием Тирским из Киренска, куда он поехал учиться в педагогическом училище (там же в 1935–1938 гг. учился и его старший брат Иван). В середине июня 1941 года, сразу после окончания педучилища, Василий был взят в армию

*Леонид Иванович Марков — последний житель деревни Глуховой.
Фото Ю. Лыхина, 2007 г.*

и отправлен в Ульяновское военное дважды Краснознаменное бронетанковое училище. По дороге туда стало известно о начале Отечественной войны. После интенсивного семимесячного обучения в Ульяновске В.С. Тирский получил звание лейтенанта танковых войск. В начале января 1942 года он был направлен в Челябинск, где около трех месяцев проработал на Челябинском тракторном заводе на сборке танков, а оттуда — прямая дорога на фронт. С фронта от него стали приходить редкие короткие письма или открытки.

Последним известием от Василия Тирского стало письмо в киренскую газету «Ленская правда», опубликованное 29 октября 1943 года под заголовком «Меня воспитал комсомол». Вот его содержание:

«Дорогие друзья по учебе, работе и комсомольской жизни! Примите от меня, бойца Красной Армии, в день славной XXV годовщины Ленинско-Сталинского комсомола боевой комсомольский привет!

Больше года нахожусь я на фронте отечественной войны. Сражался на Брянском направлении, был ранен, а сейчас — на юге. Ломая ожесточенные атаки врага, уничтожая его живую силу и технику, мы идем вперед, на запад. Сквозь шквал огня вожу я

свой танк на врага, выполняя клятву мести, которую давал вам, когда вы отправляли меня в ряды Красной Армии.

Меня воспитал комсомол, Красная Армия закалила в борьбе с врагом. За проявленные в боях мужество и отвагу я удостоен высшей правительственной награды.

Прошу вас, товарищи комсомольцы далекого Киренска, пишите мне про свои трудовые дела, рассказывайте, чем помогаете фронту, как встретили и отпраздновали славный юбилей комсомола. Ваши письма будут большой радостью для меня.

Мой адрес: полевая почта 2472.

Бывший учащийся Киренского педучилища Василий Тирский.

Лейтенант танковых войск, кавалер ордена Красного Знамени».

После этого связь с Василием Тирским прервалась. Тревога в семье усилилась, когда стало известно, что новая награда — орден Отечественной войны I степени — В.С. Тирскому не вручена. Начались поиски, делались запросы в Москву, Ленинград, Ульяновск. Отовсюду был один и тот же ответ: «сведений не имеется».

Мать, Анна Ивановна, до конца своих дней верила, что вот откроется дверь и появится ее сын Василий, такой же веселый, здоровый и невредимый, каким он отправился в 41-м на учебу в танковое училище...

ПИСЬМА В.С. ТИРСКОГО

«14/VI [1941 г. Киренск]

Добрый день!

Здравствуйте, дорогие мои родители. Шлю вам свой уч[ениче]-
ский привет и желаю вам наилучшей к старости жизни.

Отправляю пока необходимое. В чемодане отправ[ил] 1 500 руб., за Евгением Степановичем 1 350 руб., за 150 рубл. купил у них брюки шевиотовые. Ничего не поделаешь, что-то придется все равно носить. Остальные деньги взял в дорогу. Может, придется ехать. Если не поеду — останутся в сохранности.

16 июня будет комиссия, после бесплатный проезд до места, где находится военная шк[ола]. После испытания можно ехать обратно тоже бесплатно и обратно после отдыха ехать опять в школу. Хорошо не знаю, куда бросит судьба. Может г. Ульяновск (р. Волга), г. Калинин (дальше Москвы). Комиссия признает годным, придется поездить. Ребят желающих очень много. Если сейчас мне не ехать, то придется идти в армию в сентябре. Военное училище 2 года с отпуском после каждого года. Проезд бесплатный. Обмундирование, еда бесплатно.

Педучилище кончил, можно сказать, испытания сдал. Остался один предмет, история педагогики (может, и не дадут и досдать, повезут). Военных [училищ] много — куда хочешь. Хотелось попасть в авиацию, но нет набора. Если попаду в Ленинград или Калинин [И] др., то буду стараться. Итак, карьера началась. Не думайте, что получу быстрее пулью. Нет, меня трудно будет угробить. Мы еще посчитаемся... Только договоримся не плакать и тосковать. Уйду, так уйду служить советскому народу. Признаться, я не люблю слез. Я достаточно возмужал.

По этому вопросу пока все. Хорошо, что купили ботинки, а то дело было скверное. Белья беру ограниченное количество, остальное отправят вам.

Встретил бр[ата] Дмитрия, простилися. Из города ушли они быстро в Якутск. Ходить будут по р. Вилюй. Пишите письма на Вилюйскую пристань ЛУРПа, п/х «Вилюй». Обижаться на него вам не стоит. Мы все ему во многом обязаны, и хватит его ругать. Если я, так чем могу, тем помогу. Что посыпали, получил в сохранности, как от Евг[ения] Ст[епановича], так и от Мити. От Толи не получал ничего. Иван женился, так передайте от меня поздравления с закон[ным] браком.

Учителей (выпускников) распределяют по Усть-Кутскому, Казачинско-Ленскому и Киренскому р-ону только (дело скверное).

Отправляю 2 фотоаппарата и др. Пока приложьте все. Чистую бумагу не тратьте, она мне будет нужна.

В.С. Тирский.

О выезде или что будет, сообщу».

«22 июля [1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, дорогие мои родители. Спешу передать вам свой пламенный привет и пожелать всего хорошего.

Я уже писал вам, что нахожусь в бронетанковых лагерях, в 12 км от г. Ульяновска. Живем в бараках, на берегу р. Волги. Некоторые живут в палатках. Столуемся хорошо, но занимаемся в день очень много, часов 13. Из лагеря в город не отпускают, живем в отгороженности от гражданского населения. Знакомых совсем никого нет. Парень, с которым я ехал в школу, со мной в одной роте. Вот только с ним иной раз и поговорим, а то все один. Очень скучно. Я так еще не скучал, как в это время. Как-нибудь пробьемся до выпуска. Что будет дальше, покрыто мраком неизвестности.

Округ, в котором находимся, стоит на военном положении.

Сильно обо мне не беспокойтесь. Пишите больше писем, этим мы будем жить в одном как будто доме. Вот как уехал, не получал ни от кого ни одного письма. Время не так больно велико, что на

десять годов. Проучимся до января, там я сообщу, куда отправят. Толин адрес не знаю и потому не пишу ему. Вы напишите ему от меня большой братский кровный привет. Он, наверное, меня не узнает, какой я сейчас, да и вы тоже. Волоса сняли, и я сам себя не узнал в зеркале, какой лоботряс выгляжу. Ну еще обмундирование одели, так совсем другой.

Володя, вот что, если в школе будет фотокружок, то запишишь в него, тебя научат фотографировать. Если не будет, то попроси у фотографов (у кого есть фотоаппараты) наставление. Там узнаешь, как нужно обращаться и делать снимки и ост[альное]. В тетра-дях найди дневник и отложь на сохраненье, чтоб не трепался. Чистую бумагу береги, может, Толя попросит или я попрошу, так пошлете. Я здесь купил альбом для рисования, да и другое, когда будем отправлять, отправлю тебе. Велосипед хорошо смазайте. Если справишь насос, так катайся. Научи тятю кататься. Все же будет вам веселее жить. Фотоаппарат один продай ребятам — другой себе. Фотоматериал не отдавай никому, а когда научишься фотографировать, будешь его использовать (там нет только пластиночек, так Ваня пошлет или достанет). Фотокарточки храните, не раздавывайте. Адреса братьев не знаю, где они живут и как живут. Володя, напиши, я на тебя надеюсь, что ты мне будешь писать. Вот я кончу, буду получать оклад, так буду помогать в деньгах. Пиши, что делаете все, какие работы, как колхоз, как на Тире наш дом стоит и т. д. В общем, пиши больше, что тебе взбредет в голову. Вот что, Вовка, будет у тебя если время, то собирать ягоды ходи в то место, где мы ходили, — от Березового ручья (не переходя его) по склону влево, много будет брусники. Про чернику и другие не знаю.

*Селиверст Васильевич Тирский
(справа)*

Селиверст Васильевич и Анна Ивановна Тирские

Если будут к вам поступать на меня письма, ты отсыпай на меня. Пиши, где находятся Митя, Толя, Ваня и другие. Мы вот к зиме переедем в город Ульяновск. В этом городе родился В.И. Ленин. В нем был А.С. Пушкин. Родился писатель Гончаров. В общем, хороший город. Вот скоро поспеют яблоки и другие фрукты, так поедим. Сейчас есть, да зеленые. Забежишь в лес и сорвешь, сколько надо (дикие яблоки). В августе они будут краснеть.

Володя, нас готовят лейтенантами бронечастей Красной Армии (средний командный состав). Будем водить по 5 танков, то есть командовать взводом. Значит, на мою ответственность государство даст 750 000 руб. Каждый танк стоит 150 000 р. (не рассказывай посторонним). Володя, я буду командовать средними танками, которых не берет снаряд, а фашисты утекают, завида его.

Итак, нахожусь от вас на большом расстоянии (посмотри на карте).

Передайте привет родным, дядюшке Иллариону, тете Аграфене, Савиной матери и ихней бабушке и родным, которые находятся] в д. Тире. Как у вас в огороде, на пашне, покосе, на воде и т. д.?

Одна просьба, пишите письма. Ваш сын В.С. Тирский.

Сильно не скучайте. Лишнее продавайте. Сильно не убивайте здоровье. Сообщите Евгению Степановичу, что Мосея, который находился] в Иркутске, посадили в тюрьму на 1 год или на 2, позабыл, за какую-то ругань в очереди, в то время, когда Германия объявила СССР войну. Когда я приехал, его взяли за 3 дня до меня».

«28/VII [1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, мама, тятя, Володя, Нюта, Митя, Ваня, Маруся, Галия и дедушка, и все родные дядюшки и тетки! Шлю я вам свой пламенный, горячий курсантский привет и от души моей желаю вам хорошей и хорошей жизни.

Пишу я вам уже не знаю сколькое письмо, а от вас еще не получил ни одного. Может, мои еще письма не дошли до вас, а может быть, и другое. Не знаю совершенно, как вы живете, как живет Митя с Галиной, как живет Ваня с Марусей и как живет Толя. Вот [о] вас я знаю, что вы живете в деревне, а их не знаю. Притом если я бы не скучал обо всем этом, я бы не стал писать и спрашивать. Когда я находился в дороге, то не было времени написать. Рубашки все заносил за дорогу. Костюм лучший за всю дорогу не одевал. Валяться приходилось всяко. По железной дороге ехали в пассажирском вагоне. Народу набивалось полно по станциям, а как завидишь станцию, так и приготавливаешься, как бы быстрее соскочить да купить что-либо пошаматать. В большинстве станциях нечего купить поесть. С хлебом да с водой не очень хорошо приходилось. По сравнению с ленскими колхозниками крестьяне, которых проезжал от Иркутска, видно, что далеко живут плохо. Лапти и плетеные избы с навозными стенами. У нас же в лагерях кормят по норме и ее хватает, а что насчет времени, то его не хватает. Спим по 5–6 час. Учимся по 10–13 часов в день и другие работы. В обед не отдыхаем (сон), а приходится работать. Гонят нас подхояво и порядочно. Хорошо не знаю, что-то поговаривают до снегопада выпустить, т. е. прямо из лагерей. Скорее всего, выпустят зимой.

Буду добиваться, чтобы работать отправили меня на восток. Там ближе добраться до вас. А как сильно хочется побывать в знакомых местах, на покосе и др. в р. Тире. А здесь стал свыкаться с местностью, а то беда была, прямо изругал себя. Я не представляю, где находится Толя и что вы от него получаете. Можно предполагать, что его могут перебросить на зап[адный] фронт. Вы живете в мирной обстановке. Мы уже давно на военном положении (Куйбышевская обл.). Дисциплина строгая, за малейший проступок налагают взыскание как на месте военных действий. Расстрел и тюрьму получить быстро можно, и получают некоторые.

Учение идет пока хорошо. 20 июля приняли присягу. Вчера, 27[-го], упаковывал вещи отсыпал домой, какие только есть. Они мне не нужны. Продавать не продавайте, а носите сами их. Вот кончу, так пошлю посылку вам, если будет время. Купить здесь можно все. Сейчас так времени нет, да и не отпускают. Стипендия всем по 40 р. в месяц. Спрашивается, куда их мне: еда готовая, одежда готовая, кино и др. бесплатно, да и притом я не курю, а

вино пить строго запрещено. Посторонние вещи вплоть до мелочи не разрешается держать. Только вот: бумага, книги, карандаши, чернила, зубная щетка, зубной порошок, 2 носовика.

В посылке 2 костюма, ботинки, рубашки. Вот побаиваюсь, что вы все мои фотокарточки раздаете, а вновь их сделать будет невозможно. Вы уж их берегите. Может, придется еще заниматься этим делом, да и притом это памятники прошедшего. Я очень прошу вас, чтобы вы сфотографировались все вместе: тята, мама, Володя, Нюта. Сделайте в выходной день. Если только достанете фотопластинок, то это можно устроить самим.

Еще раз прошу, чтобы вы писали письма и очень просили других родных о письмах ко мне. А пока передайте им большой привет от меня: дядюшке Иллариону, тете Аграфене, Николаю, Алексею и другим, которые живут на Тире. Привет Кашееву, Елизару С., ихней бабушке и тете. Я вот не знаю, у вас или нет тетя Арина, так ей передайте привет и ее ребятам. Чтобы она сказала Михаилу, чтоб он написал мне письмо. Адрес дайте. Передайте Василию Ивановичу привет. Пишите, как у вас в огороде дурит и в поле надурило. Много себя не убивайте. Корову держать надо однue. Пишите братьям чаще письма, и они будут вам писать. А сами не будете писать, так что же, пеняйте на себя. Ведь у вас два писаки теперь. Бумага есть и другое. Каждый вечерок, но через два, писать можно время найти. Много не спрашиваем, хоть помаленьку, и то ладно. Ваш сын Василий Тирский».

«9 августа [19]41 г. [Ульяновск]
Здорово, братан!

Ну! Как поживаешь? Привет маме, тяте, Нюте, Мите, Ване, Толе. Огромнейший привет им и тебе от курсанта Ульяновского военного дважды Краснознаменного бронетанкового училища. Пишу тебе и будто нахожусь с тобой рядом. На самом деле мы с вами на порядочном расстоянии. Довольно близко ум. Когда же, братан, увидимся с тобой? Пожалуй, ты меня не узнаешь. Ты бы сейчас взглянул, так бы не распознал среди курсантов меня. На голове пилотка, сапоги на ногах, брюки (галифе), гимнастерка, шинель. Зимой будем носить шлемы и другую одежду. Мороза, как у нас, не бывает. Сейчас изучаем машины, двигатели разные и различн[ое] оружие. Занимаемся помного в день, порядком достается. Скоро будем ездить на танках. После окончания без большой трудности можно ездить на всех автомашинах. Так что специальность обширная. Можно стать шофером, трактористом. Вообще при машинах. Армия, как я представлял, не то представляет, хотя я знал все ее трудности. Здесь ведь учиться сравнительно легко и можно добиться хороших и отличных результатов, но, с другой сто-

роны, очень скучно, т. е. оторванность от мирной жизни. Ты всегда находишься в подчинении начальников. Вот это мне очень не нравится. Все это пустяки. Сколько положено отслужу, и все будет в порядке. Что будет дальше, если будет возможность, я никогда не откажусь написать родным. Посмотришь на лейтенантов, они по существу мало что делают, а получают 750 р. и госуд[арственная] столовая и обмундирование. Им что, лейтенантам, командовать только, а исполняют бойцы.

Володя, пиши чаще письма. Я писал тебе, о чем писать. Вот и пиши. У тебя больше времени, чем у меня. У меня будет время после окончания. Ты ведь можешь писать прямо на уроках и сдавать письма на почту. Заставь Нюту написать мне письмо, она может уже писать. Самое главное, пишите и пишите. Как получишь, так ответ пиши. Всю жизнь писать мне тебе. Это большое дело. Нужно для этого много бумаги и времени. Ты постараися завести себе дневник из тетрадей и номеруй тетрадь каждую. Очень интересное это дело. На этом ты сам убедишься. Когда будешь больше, то, читая этот дневник, ты будешь чувствовать и вспоминать, что какой я был и что делал. Я писал тебе, что в дневник записывать. Вот и учись. Сначала трудно, а потом хор[ошо].

Все мои письма слаживай в дневник, который остался дома. Приеду, так почитаю их. Как-нибудь устрой, прибери книги и все остальное. Сделай этажерку (полочки) и разложи. Я вот не был у вас во время зимы и не представляю, как все обстоит в доме. Володя, если найдешь пластинок и научишься фотографировать, то сходи на Тир и сфотографируй нашу усадьбу летом и зимой.

Анна Ивановна Тирская с внуками Галиной (слева) и Анатолием. Около 1946 г.

Зимой можешь сходить на лыжах. Выполнни это обязательно и все подробности опиши в письмах. Тебе что дома не писать, бумага есть, клей есть. Свернул, писнул — и в почт[овий] ящик. А здесь дело другое, бумаги не так уж распишешься и клей всякий, из-за клея приходится всякой всячиной kleить.

Володя, если достанешь пластинок, то старайся делать больше пейзажных снимков (местности). Это интересно, и каждая карточка имеет вес на стене. Может, я достану, так пошлю вам. Скоро, может, я к вам приеду в гости. Этот год кончим. К январю и так, может, пустят в отпуск. При выпуске буду стараться попасть на восток. Там больше можно поохотиться, да и климат более подходящий [1 слово неразборчиво]. Там и быстрее домой доехать можно. Ну и так, Володя, до свидания. Я буду очень рад и доволен тобой, что ты исполнишь мою просьбу. Я буду надеяться на тебя, братан. До скорого свидания, Нюта, мама, тятя. Напиши, где находится Ваня и его Маруся и что они делают. Митя и Толя как живут, пропиши. Итак, остаюсь жив, здоров, твой брат Василий. Володя и все родные, не забывайте, что есть у вас сын и брат.

Послал в посылке альбомы, вы с Нютой разделите их».

«[середина августа 1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, тятя, мама, Володя, Нюта, Митя, Ваня, Толя и дедушка. Шлю вам всем курсантский привет. Проживаем на прежнем месте. О дальнейшей жизни не знаю. Осталось, как говорят наши преподаватели, 4 месяца. А там кубики на петлицы и на фронт, если он просуществует до этого срока. Работы хватает. Это только просто сказать, что выпустить лейтенантов. На самом деле так легко не достается. Сейчас больше углубляемся в машины и вождение. Каждая минута на счету. Встаем некоторый раз в 4 часа утра, а ложимся в 12 час. После обеда час сна не приходится спрашивать. Вести с фронта не радуют. Неизмеримое зверство фашистов с народом заставляет как можно быстрее готовиться. Может, кончится иначе, но сейчас так. От вас не получал ни одного письма. Уже пошел второй месяц. Ин-

*Василий Селиверстович
Тирский*

тересуюсь все же, что вы делаете, что вы не можете написать? Если не хотите писать, то хотя бы передайте мой адрес братьям. Я совершенно не представляю, откуда вы набираетесь таким терпением отмалчиваться, даже, быть может, и думать о том, что есть сын. Я не считаю, какое пишу вам письмо, меня это не интересует. Меня интересует ваша жизнь, ваше здоровье. Вот я как уехал от вас, у меня создалось мнение, что я вас долго не увижу и вы стали (мама, тятя) далеко старше, а Володя с Нютой большие, взрослые. Вот плохо то, что не привык к окружающей местности. Скучновато живется. А еще скучнее тогда, когда не имеешь связи с родиной. Как-нибудь справлюсь, приживется помаленьки. А вот что писал вам и о чем (кажется, прописал все). Вы не пишете и не спрашиваете. Ну а потом мало времени, чтобы подумать. Это лето не пришлось отдыхать. С 10 июля начал отбывать военную службу, как долг перед родиной. Конечно, я обязан и меня призвали.

Пока учеба идет хорошо. Отметки (оценки) сравнительно хорошие. У нас много различных предметов. Занимаются с нами в лице преподавателей лейтенанты, майоры, подполковники армии. Пока все, на этом кончаю. Будете писать письма братьям, напишите от меня привет. Наверное, вы тоже не пишете что и как мне. Передайте привет тете Аграфене и дяде Иллариону, и ихним сыновьям, родным, живущим на Тире. Как увидите их, передайте. Каждый день жду от вас письма и, как видите, безрезультатно.

Мой адрес: г. Ульяновск Куйбышевской обл., п/я № 50, кв. № 6».

«Ульяновск, 15 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие мои родители, тятя, мама, Володя, Нюта, Толя, Ваня, Митя! Шлю вам курсантский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Так вам часто пишу, что не о чем и писать. Вчера переехали из лагеря в город на зимние квартиры. Живем батальоном на 3-ем этаже кирпичного здания. Весь вчерашний день прошел в сборе и устройстве. Сегодня работаем по благоустройству классов, в которых будем заниматься. Здание прекрасное, жить, конечно, можно превосходно. Программа оста-

Василий Селиверстович

Тирский

лась та же. Выпуск намечается в январе. Занимаемся на таких же условиях и спим столько же. Возвращаясь с похода, получил телеграмму от вас. Очень рад и благодарю от всего сердца! Наконец-то мое письмо прорезало Сибирь и дошло до вас. Телеграмма шла 15 суток. Побаиваюсь, что отправленная мной посылка не дойдет в сохранности — погниет.

*Владимир
Селиверстович Тирский*

Все жду от вас письма. Адреса братьев не знаю и потому не пишу им. Сообщите, как они поживают и где. Самое главное, адрес Толи, где он и имеет ли с вами сообщение. Учеба идет хорошо. Передайте привет всем родным и знакомым. Вот и все.

Зиму будем ходить в сапогах и в шинелках, будет морозновато, так как осенью лют часто дожди и ветер. Если бы вы были близко, то можно было бы достать потеплее одежды. Ничего не поделаешь, будем в поле только на выходах 2-3 суток и на стрельбы, а остальное время будем отсиживаться в городе. Уже вожу автомобиль без затруднения. Скоро на танке. Конечно, ездим на них. До свидания, ваш сын Василий.

Адрес мой тот же: п/я № 50, кв. № 6, Тирскому. Я один здесь только Тирский».

«25 сентября [1941 г. Ульяновск]

Здравствуй, Володай! Разреши передать привет из Ульяновска тебе, тяте, маме, Нюте, Мите, Толе и Ване.

От вас получил общую телеграмму, писем не получал. Становится обидно из-за того, что не пишете. Я потерял счет моих писем писать вам, а от вас ни одного. Почему вы не пишете и ты сам не пишешь, черт его знает. Всех я писем написал больше 20 и не получал ни одного. Живу пока ничего. Живем в городе. 30 сентября кончаем 1-й курс (командир машины — танка). Осталось мало времени до конца. Дальше будем учиться на лейтенантов. Вчера стреляли из танков. Получил благодарность за стрельбу. Дуют часто ветры. Морозновато из-за них. Остаюсь здоров. Пишите все. Очень благодарю за телеграмму. Мою посылку вы уже должны получить. Сообщайте. Адрес Толи не знаю.

Ваш сын и брат Василий».

«[23 ноября 1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, тятя, мама, Володя, Нюта!

Шлю вам свой родной курсантский привет. Получил от вас третье письмо (ваше третье), а то было написал вам не очень-то хорошее письмо. И, верно, давно, как уже месяц с лишком, не получал от вас ничего. Стало очень обидно за это. Сегодня весело. Получил от вас да с Киренска от одной №-ой дамы, Ну конечно очень обрадовало. Мало все же вы пишете. Получаю письма только от вас. Митя зимует где? Все интересуюсь. Предполагаю, что тятя не ездил на охоту. Скоро, наверное, не будете держать собаку и ружья. Что написали, очень благодарю. Лучше пишите больше. Мне так, верно, писать не о чем. Все идет одним чередом. Занимаемся дни и ночи, часто совершают выхода в поле. Из одеяния сапоги, шинель, рукавички зачастую пропускают холод, некоторые обмораживаются. Я ж чувствую [себя] пока хорошо. Конечно, не приходится стоять на одном месте. Все в движении, в маршах, учениях и походах. Приучают, как говорится, к холоду, выдержливости. Учения всевозможные с танками. Давно стало нам все равно что день, что ночь. Жизнь военная, ничего не поделаешь. Все лишения приходится переносить. Скоро придется биться с немцами. Недалек тот час, лупить их нам. Остался впереди декабрь только. Сейчас 23 ноября. 7 ноября праздновали один день. Участвовали на параде с танками. Аттестацию уже написали на всех. Аттестовали меня на тяжелый танк в 56 тонн. Вот это действительно грозное оружие для немца. Пишут, верно, пока на лейтенанта. Черт знает, что ожидает нас впереди. Все.

От Толи не получал ничего, от остальных также. Передайте Мите, Ване о моей жизни и адрес. Буду ждать от них. Передайте родным привет. Передайте Оболкину Ал., что я его очень благодарю за услугу. Привет ему! Телеграммы ваши получил. Пишите, получили или нет от меня».

«[23/XII-41 г. Ульяновск]

Здравствуйте, дорогие мои родители,
мама, тятя, Володя и Нюта.

Шлю вам свой пламенный, родной, братский привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни. Получил от вас сегодня два письма — от Нюты лично и от вас всех. Очень благодарю и еще благодарю, что вы отправили посылку. Хорошо бы было, если бы вы отправили свитер хоть 2 и валенки. Валенки носить разрешают. Все это я бы имел, я б жил в тепле прекрасно. Стоит мороз, а главное ветер. Не мерз я еще так, как здесь мерзнешь иногда. Сапоги и тонкая шинелька не держат мороз. Всяко выходим из положения, всяко затыкаем мороз. В бою при маленьком, неболь-

шом ранении в такой одежде быстро замерзнешь. Ваша посылка пройдет долго. Получу ее в январе или в феврале. О выпуске ничего не известно. Придется учиться еще не более 2–3 месяца. Есть предположения, что выпустят в первых числах января. От Толи получил письмо из Хабаровска. Написал ему 3 письма, из них одно получил обратно (г. Бикин). Пишет, что часто пишу письма и получаю. (Вот и хорошо.) Ваня написал 2 письма, сегодня напишу в Киренск. Послал я еще летом вам посылку с вещами и не знаю, получили или нет вы ее. Марков (друг) послал, так ее получили. Что-то сомнительно, не затерялась ли она в дороге. Живем по-старому в городе. Продолжаем учебу такими же темпами. На отлично. Насчет налогу сообразите. Должны сократить, если будете настаивать, а это нужно.

Нюту очень благодарю. Почему заболела она болезнью этой, сообщите. Как здоровьем, пишите.

Писать много нет времени. Все у нас здесь строго по распорядку. Как же, военные люди. Отправил вам 2 фотокарточки и Ване однue. Письма от вас получаю аккуратно.

Пишите больше о жизни своей и колхоза. Все скучно по родине, д. Тире.

Буду ждать посылку от вас.

Привет [всем], кто у вас живет. Живете весело, вот и хорошо. И мне весело, что вы живете неплохо. Ваш сын Василий».

«Челябинск, 19/I-42.

Здравствуйте, дорогие мои родители, Володя, Нюта. Шлю вам свой пламенный привет и желаю вам всего хорошего. Писал вам письмо 1 или 2 января, в котором послал вам все фотокарточки, какие только были у меня. Сейчас живем в Челябинске, в своем уже полку. Адреса еще нет, будет, сообщу. Как приехал, послал вам телеграмму. Придется долго от вас не получать письма. В Ульяновске получили новое обмундирование: валенки, теплое белье двойное, комсоставские гимнастерки и брюки, новые шинелки, шапки, рукавицы. Морозы теперь нипочем. Оклад нам пока по 550 р. Когда поедем на фронт, может, прибавят. Послать пока вам не могу. В феврале, думаю, что пошлю. Столуемся в своей столовой. Кормят сравнительно хорошо. В день обходится примерно по 10 р. Друг мой Марков остался в Ульяновске по некоторым причинам. Сейчас, наверное, в каком-либо городе при части. Жить стало, конечно, далеко лучше, так как мы уже лейтенанты. Сколько жить здесь, неизвестно. Полк наш действующий и в то же время запасной. Танки тяжелые. О них вы знаете из газет, что за крепости. Полк наш отдельный, из всей Красной Армии имеем дело со Сталиным в качестве руководства им. Все. Передайте

все это братьям, что написал и привет. Будьте спокойны за мою крепость — громадину танк и меня. Радость и большое доверие правительства. Ваш сын Василий».

«19/III-42 г. [Челябинск]

Здравствуйте, дорогие мои родители, тятя, мама, Володя, Нюта, Митя, Ваня и Толя. Шлю вам всем пламенный братский привет и желаю всего хорошего и наилучшего в вашей жизни. Извините, что долго не писал вам (был занят). Вы, наверное, думаете, что-нибудь случилось. Особенно ничего, все по старому, по хорошему. Живу третий м-ц в Челябинске. От всех вас ничего не получал более 3-х м-цев. Да и долго это будет продолжаться. Надеюсь, что вы живете неплохо. Питаетесь лучше, чем мы. У нас с питанием чертовски разно (плоховато). Все по карточкам, ну и, разумеется, как получим, так и съедим, а следующие дни всяко. Как будет на фронте (дело военное и достается разно, на что нельзя обижаться). Едем на фронт на днях. Машины тяжелые с большой силой. Хочется знать, как вы живете, как здоровьем и т. д. Получил от вас телеграмму о посыпке моей (что я беспокоился). Очень радостно, что вы здоровы. Смотрю на местную жизнь и предполагаю, что на моей родине живут далеко и далеко лучше. Здесь далеко тверже отзываются война, чем на вас. Экипаж мой мне очень нравится, что очень хорошо. Вместе поедем в бой. Вот и все коротенько о своей жизни. Дела идут как нельзя лучше. Привет Ване, Марусе, Мите и Гале, Толе. Привет дядюшке Иллариону и тете Аграфене, Алексею и Николаю, Василию Ивановичу.

Мне все кажется, что я был у вас вот только что, часто вспоминаю родину и часто всех вас. Денег хватает. Излишки буду отправлять вам, так как нет еще у меня жены.

Между прочим, здесь их масса (всякие вельможи). Живем как офицеры. Спросите тятю, он скажет вам, как живут офицеры.

До свидания, ваш сын и брат Василий.

Плохого ничего не случится. Машина чертовски хороша (я еще счастлив, что попал в тяжелые).

Анна Селиверстовна Тирская

Письмо В.С. Тирского

Скоро именинник, но когда точно, не знаю, жаль, а то бы спра-
вил.

Пишу на почте. Очень рад — получил от вас письмо, писан[ное] 15 февр. Сейчас же здесь пошлю вам телеграмму и Ване. Поздравляю с дочерью Галей. Спокоен о вашей жизни. В.С. Тир-
ский».

«с. Богдановка, 29 мая [1942 г.]

Здравствуйте, дорогие мои родители тятя, мама, Володя, Нюта. Шлю вам привет с фронта. Редко пишу вам письма, но все же пишу, часто и приходится писать только вам. Товарищей и др. адресов нет. Да и времени мало, и потом работаем, как положено на фронте. В середине мая хотел послать вам 1 000 руб., но из-за отсутствия переводных бланок не послал. Деньги имеются. Расходую только на продукты, иногда яйца, молоко и т. п. А остальные все копятся и копятся. О вашей жизни не знаю. Может быть, у вас большие изменения. Надеюсь, по-старому. И только предполагаю [одна строчка на сгибе листа неразборчива] в колхозе и дома. Здесь берут в армию 50-летних. По-моему, тятю из-за болезни не возьмут. Все чаще и чаще приходится видеть сцены проделок немцев над мирным населением — бомбежка, грабеж и т. д. Надеюсь, вы читаете газеты и вычитываете то, что мне приходится видеть своими глазами. Нахожусь на Брянском направлении в тяжелых. Много писать не собираюсь. Если придется жить в мирное время, тогда другое дело, можно расказать подробнее все. Живем одним стремлением жать немцев на запад до полного уничтожения на нашей земле. Нет-нет, да

часто вспоминаешь малое мое прожитое, все то хорошее, что дала школа и вся родина, что драгоценнее всего. Мне хочется, чтоб вы жили весело и хорошо, мне хочется, чтоб вы не знали заботы о Толе и не говоря о мне. Я достаточно обучен вами и братьями. Это я не забываю. Привет Мите, Ване, их женам и Толе. Привет Родине. Я абсолютно ни от кого не получаю писем и не обижаюсь на это. Привет еще раз с фронта отечественной войны. Мой адрес: действующая Красная Армия, Полевая почтовая станция № 2478, подразделение «В». Привет от моих танкистов. Жму вам всем руки, ваш сын Василий. Кто будет просить мой адрес — дайте».

Почтовая карточка.
«14/VII-42 г.

Здравствуйте.

Спешу передать вам свой пламенный армейский привет. Долго вам не писал, потому что был в боях. Сейчас чувствую себя хорошо. Дальше сообщу обо всем. Скоро опять на запад. Привет братьям и всем родным. Ничего от вас не получаю. Жив, здоров. Ваш сын Василий».

Почтовая карточка с обратным адресом:
«Полевая почта № 2472, 250 танковый б-н, 1 рота».
«30/VII-42 г.

Здравствуйте!

Спешу передать привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Вторая открытка, как я на отдыхе после боев. Здоровье хорошее, даже лучше, чем до боя. С нетерпением ждем приказа в бой. Это наша задача и наш долг перед Родиной. Надеюсь, вы живете по-настоящему. С апреля м-ца не получал от вас никаких известий. Про Митю, Ваню и Толю знаю как и про вас, не пишут или по-что? Дела у меня идут прекрасно, следите по газетам («Правда», «Крас[ная] звезда») о наших делах и т. д. Нюта подросла, не узнаешь теперь и Володю. Молодежь растет быстро. О дальнейшем напишу. Писал бы часто, да времени мало. У вас наверняка есть. Привет дяде Васе, тете Аграфене и ее семье привет, братьям еще привет. Скоро опять в жаркие бои. Жму ваши руки. Ваш сын Василий».

Конец письма.
«5/VIII-42 г.

...был бы очень рад. Как живет Дуся? Я не писал с января. Здесь громадное количество таких же подобных. Я говорю как о товарище. Передайте привет, если она живет в городе. Я не такой

уже Вася, что видела она и вы. Уверен, что вы не узнаете меня. Скоро появятся седые волосы. Война — не что иное. Старит быстро. Привет Наташе и Руслану Кириллову (адреса не знаю). Написал письмо вчера на родину (Глухову), как живут мои старики. Не пишут, а впрочем, не знаю. В бою были 3 м-ца, всего вероятнее, что [письма] где-то идут. Жара, стоят ясные жаркие дни. Донская вода омывает нас. Дон, Дон, в это время много пишут о нем. Привет д. Акиму и его семье. Пишите по адресу: Действующая армия, П.П.С. № 2472, 250 танковый б-н, 1 рота. Тир. Вас. С. Жму ваши руки. Василий».

Почтовая карточка со штемпелем:
«Сталинград, 13.4.4[3 г.]»

«Здравствуй, Владик.

Привет из Сталинграда. Махнул громадное расстояние от вас, да еще придется больше. Эту комсомолку (на лицевой стороне почтовой карточки изображена картина художника Н.А. Касаткина „Комсомолка времен гражданской войны“ 1925 г. — Ю. Л.) купил в Уфе. Пишу тебе на память. Братан, пока до свидания. Еду дальше бить волков. Все пока, твой брат Василий».

В КИРЕНСКОМ ПЕДУЧИЛИЩЕ

Иван Селиверстович Тирский

<...> Приближался новый 1935/36 учебный год. Если в Киренске было бы художественное училище, то я бы был там. Но выбор был небольшим: педучилище или ФЗУ. В выборе учебного заведения родители не принимали участия, мать сказала: «Выбирай сам, Иван, ты уже взрослый». Я выбрал педучилище. Многие ребята определились в ФЗУ получать специальность механика парохода или радиста. Начались сборы, ведь нешуточное дело ехать в Киренск за 150 километров от дома и на длительное время.

Ехать на учебу в педучилище пожелали мои двоюродные сестры: Мария и Настя. Отец с дядей Михаилом сделали плот из сухих сосновых бревен в трех километрах от устья реки Тиры, сплавили его и подготовили к отплытию. На плоту оказалась посуда с продуктами, одежда и обувь. Над плотом — крыша из кусков какой-то материи, по бокам плата — весла на случай причала или встречи с пароходом. Плыли мы медленно до Киренска несколько суток. Только на перекатах плот подхватывало течением и уносило вниз по течению реки наиболее быстро.

Путешествие наше было без происшествий и приключений: пароходы и другие суда встречались редко, ветра и дождя не было. Однако в двадцати километрах от Киренска ночью при тихой погоде на Кудринском перекате против деревни Кудрина встретился пароход, шедший вверх по течению. Мы быстро сошли с фарватера и обозначились зажженным огнем (фонарика у нас не было). Пароход дал встречный гудок и сбавил скорость движения. Волны (на перекатах из-за мелей всегда бывают большими), набегавшие на плот, залили его верхнюю часть, перевернули посуду с продуктами, замочили одежду. Девки мои перепугались.

В Киренск мы приплыли к концу дня. Незнакомый город показался мне большим, по его набережным улицам сновали люди, дома были все деревянными. Остановились мы в нижней части

города, рядом с улицей Ленрабочих, в доме каких-то знакомых Анне Романовне, матери моих спутниц.

На другой день пошли мы в педучилище, расположеннное на высоком берегу реки Киренги, рядом с садом из сосновых деревьев, посаженных кем-то раньше. Меня определили в общежитие по улице Параллельной (ныне Ивана Соснина), на которой мы позднее проживали в двух квартирах до выезда в Иркутск. Поступающие съехались из разных районов. Было очень тесно. Мне не понравились ребята из Казачинско-Ленского района, всегда спорили о чем-то, дрались. Особенно в этом отличались Тарасовы, которые из-за своей неграмотности, не выдержав вступительных экзаменов, отсеялись.

Вступительный экзамен по русскому языку принимал Петр Павлович Хорошев, у которого я учился все три года. В школах семилетках учили слабо. Поэтому подготовленность желала быть значительно лучшей. Со мною за столом сидел Исаев из Казачинско-Ленского района. Так его диктант изобиловал грамматическими ошибками в каждом слове. Он отсеялся.

Я был принят, и началась серьезная учеба, уже действовали постановления партии и правительства о школе. Урок стал основной формой обучения, а учитель — главной фигурой в школе. Я бесконечно благодарен Киренскому педагогическому училищу,

Деревня Тира в наши дни. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

его талантливому коллективу, сделавшим меня — деревенского паренька — человеком, учителем и наставником молодого поколения. Учился я, несмотря на трудности, жадно и прилежно, помня о том, что эти знания нужны мне как воздух.

Первым директором педучилища был некто Зырянов, средних лет, приятной наружности, всегда подтянут, со скорбным лицом. Проработал он недолго, и через 3–4 месяца был арестован, посанжен в тюрьму и увезен неизвестно куда. Началось время репрессий, расправ над ни в чем не виновными людьми. На его место поставили Ивана Лукича Куклина, ранее работавшего завучем этого же училища. Куклин по образованию филолог, прекрасно знал историю и литературу, имел достаточный опыт в педагогике, жил одиноко с дочерью. Одет всегда был просто: без пиджака, в темной косоворотке, брюки — в трубочку. Бороду и усы не носил, всегда был чисто выбрит.

Ребята ценили его за ум, простоту, учебную и организаторскую работу, за внимание и заботу к ним. Пользовался он заслуженным авторитетом и в коллективе учителей. Тысячи ребят, прошедшие через его руки, благодарно вспоминают о нем, давшем путевку в жизнь, обогатив ее знаниями и практическими навыками.

Находясь в должности председателя профкома педучилища, редактора стенной газеты, я часто встречался с Иваном Лукичем, слушал его советы, наставления и указания. И за свою исполнительность, дисциплинированность и серьезное отношение к делу я всегда чувствовал его отцовское отношение ко мне.

На всю жизнь в памяти учащихся педучилища сохранились проводимые линейки, на которых Иван Лукич учил нас, как правильно надевать пиджак или пальто, принимать гостей, вести себя за столом и многому другому. <...>

В самом начале Отечественной войны директор педучилища Иван Лукич Куклин оставил город Киренск и уехал в станицу Вёшенскую, стал директором педагогического училища, где великий Михаил Шолохов создавал «Тихий Дон», «Поднятую целину» и другие произведения. После Отечественной войны он приезжал в Киренск, встречался с учителями и бывшими учащимися, делился своими впечатлениями. Вот один эпизод, рассказанный Куклиным. Однажды в кабинет директора педучилища неожиданно вошел Шолохов. Иван Лукич оторопел — перед ним стоял человек, создавший легендарные образы Аксиньи и Григория Мелехова в знаменитом романе «Тихий Дон».

Во все годы обучения в училище математику вел Мелентий Алексеевич Трифонов, родиной из деревни Назаровой Усть-Кутского района. Он в 20-е годы окончил это же училище и больше нигде не учился. Это удивительный человек, человек

большого таланта, прирожденный учитель, всю свою жизнь отдавший обучению и воспитанию молодежи. Многие тысячи его учеников преклоняются перед его талантом и способностями. Он дал им хорошие знания по математике и путевку в жизнь. Его уроки заметно отличались от уроков других учителей. Традиционный план урока, рекомендованный методикой, трещал по всем швам. У этого учителя была своя методика ведения урока, свои приемы работы, а в результате — хорошие прочные знания учащихся, с которыми они успешно поступали в высшие учебные заведения. Он всегда говорил: «У меня нельзя не научиться».

Когда я работал директором школы № 4 в городе Киренске, пригласил Трифонова оказать нам помощь в подготовке учащихся восьмого класса к экзаменам (Мелентий Алексеевич был в это время на заслуженном отдыхе). Начинающий учитель не справился с работой по новым программам, и надвигалась угроза срыва экзаменов. Трифонов смог за четыре месяца исправить бедственное положение и подготовить ребят к сдаче экзаменов.

Другими учителями были учитель русского языка и литературы — Петр Павлович Хорошев, физики и географии — Никита Степанович Оболкин, истории — Пшенников, педагогики и истории педагогики — Таисия Ивановна Болтунова, педпрактику вела Мария Ивановна Семакина (Курбатова). Часто менялись учителя пения и физкультуры. Классным руководителем была Семакина, опытный педагог с многолетним стажем работы.

Запомнилась работа с учителем рисования по оформлению здания (внутри и снаружи) к первым выборам в Верховный Совет СССР в декабре 1936 года.

Во второй год учебы мы проживали по улице Коммунистической в тесноватой комнате — Михаил Тирский, Николай Тараканов, Иннокентий Арбатский, Ефстафий Назаров, Петр Куклин и я. А в последний год мы жили в самом педучилище в одной из комнат, предназначенных для учебных занятий. Добавились и жильцы: Григорий Чупров, Иннокентий Добринин, Рукавишников и др.

В 1937 году набор в первый класс и другие был увеличен, открылись параллельные классы в основном за счет учащихся из Бодайбинского района, детей, родители которых в годы раскулачивания были выселены в северные районы области. Вот некоторые из них: братья Носковы, Кузьмин, Кабак, Мартынова и др. Все они были переростками, так как не учились многие годы. Хорошо запомнились ребята из старшего класса, как-то: Иннокентий Добринин, Надежда и Нина Хорошевы, Нина Денисова, Иван Тирский, Николай Попов, Новокашин и др.

В 30-е годы, тревожные для всего народа, среди молодежи широко развернулось движение за овладение военными специальностями. Надо было уметь хорошо бегать и прыгать, плавать, метать гранату, оказывать первую медицинскую помощь при ранении, пользоваться противогазом, уметь распознавать отравляющие вещества, быстро надеть противогаз и побывать в газокамере, сдать нормы на значки: ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок» и ГТО. Других кружков не было, как только эти. В городе была построена парашютная вышка на площади около старой церкви. Помню, как при сдаче экзаменов у меня прощупывал пульс на руке член приемной комиссии — первый секретарь райкома комсомола тов. Бедов. Без волнения не обошлось. Ребята успешно сдавали экзамены и получали значки: БГТО (Будь готов к труду и обороне), ГТО (Готов к труду и обороне), ПВХО (Готов к противохимической обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне), «Ворошиловский стрелок». Нормы на значок «Ворошиловский стрелок» выполнялись стрельбой по мишеням с расстояния 50 метров. Грудь большинства учащихся украшалась этими значками. Были они и у меня.

Ежегодно, после окончаний учебных занятий, учащиеся второго класса проходили практику по военному делу в течение месяца. Место живописное в окрестностях города в районе Дома

Город Киренск. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

отдыха. Жили в палатках. Руководили занятиями работники райвоенкомата. Здесь сдавались нормы по военным дисциплинам, проводились практические занятия на местности.

После таких занятий все учащиеся разъезжались по домам для проведения летних каникул. Наш путь домой лежал по Лене на одном из грузовых пароходов. Другого транспорта не было. Мы обычно размещались в кормовой части на открытой палубе, где постоянно дул ветер и иногда выпадали осадки. Нас беспокоила сажа, вылетающая из трубы парохода. Особенно это было, когда мы плыли на пароходе «Тайга». Из трубы этого парохода вылетала не только сажа, но и раскаленные угли, которые, падая на нашу одежду, прожигали ее. Интересно было смотреть из коридора в машинное отделение, как вращался массивный вал и через передачу крутил колеса парохода. <...>

В 20-е и 30-е годы в стране соломы и лучины шла сплошная ликвидация неграмотности и малограмотности всего взрослого населения. Мы, ученики педучилища, активно занимались этим. Я получил задание от отдела образования учить неграмотных технических работников больницы, которая находилась рядом с нашим учебным заведением. Работа шла по вечерам по расписанию. Немолодые люди, в основном женщины, занимались охотно и радовались своим успехам.

В 1937 году были при педучилище образованы четырехмесячные учительские курсы преподавателей начальных классов. Обучение вели учащиеся педучилища: я — географии, Марина — русскому языку. Слушатели курсов были возрастом немного моложе нас. Эта работа — мой первый трудовой стаж, который был зачислен в трудовой книжке. <...>

Об авторе: **Иван Селиверстович Тирский** (старший брат В.С. Тирского — автора опубликованных выше писем) родился 12 февраля 1919 года в деревне Тирской Киренского района Иркутской области. С 1935 по 1938 год учился в Киренском педагогическом училище, после окончания которого работал в сфере народного образования Катангского и Киренского районов. В 1955 году на последнем курсе заочного отделения Иркутского педагогического института был переведен в Киренск на должность инспектора района, с 1966 года трудился директором Киренской восьмилетней школы № 4. В 1976 году Иван Селиверстович вышел на пенсию и переехал в Иркутск. Воспоминания о своей жизни были написаны им в 2002 году. Умер И.С. Тирский 25 октября 2003 года.

ЛЕНСКИЕ БЫЛИ

Георгий Иванович Хромов

СЛУЧАЙ В ЦЕРКОВНОМ БОРУ

В 1901 году на высоком угоре в центре села Макарово взамен старого небольшого храма была построена новая пятиглавая церковь. Лес на строительство этой церкви взяли в обширном сосновом бору между Леной и речкой Макаровкой напротив Верхолукской. Позднее здесь на вырубках образовался богатый брусничный ягодник, и жители окрестных деревень ежегодно ходили сюда за ягодами. До сих пор этот лес называется Церковным бором. В конце тридцатых годов на этот бор за ягодами ушла группа подростков и затерялась. Их искали несколько дней, но безуспешно. Вот что рассказала об этом случае моя сестра.

Три задушевных подружки из Верхолукской — Лелька Хромова, Фуса Монакова, Люба Хромова — уговорили Петухова Гришу сводить их на далекий Церковный бор, так как на близких ягодниках брусники не было. Рано утром, еще по туману, по речешной дороге поднялись на хребет, перешли Лучинник и Сухой ручей и по бездорожью свалились в таежную глухомань. Долго продирались по дремучей тайге. Потом развернулись в левую сторону. Тайга постепенно светлела. По старым погнившим пням, которые стали попадаться все чаще, догадались, что начался Церковный бор. Ребят порадовало, что у пней и колод закраснели крупные ягоды. Они присели, развязали котомки, вынули корзины и принялись за работу. Рядом с бором высокой темной стеной тянулся мрачный ельник. Из глубины его чуть слышно доносилось журчание большого Толокменского ручья. Вдруг оттуда послышались плеск воды и какие-то тяжелые, грузные шаги. Будто сильно нагруженная лошадь с трудом тянула по болоту воз. И сразу, как удар грома, раздался ошеломляющий грохочущий рык. Ребята замерли, тесно прижались друг к дружке. Зверьрыкнул опять, слов-

но из нескольких ружей ударили залпом. Страх охватил ребят, и они, схватив корзины, побежали прочь. Когда убежали довольно далеко и убедились, что опасность миновала, от усталости пали на землю. Юный вожак пояснил, что на них рюхала медведица. Это она своей чугунной глоткой изрыгала страшный рев, сердито предупреждая, чтобы никто не смел трогать ее медвежонка.

Об ягодах нечего было и думать. Надо было попытаться выйти к речке, чтобы оттуда речешной дорогой вернуться домой. Когда показались козлы — две двухметровые кобылины и шалаш, ребята поспешно подошли ближе: им казалось, что у козел остались следы дороги. Когда-то здесь на козлах распиливали бревна на плахи и тес, нужные для строительства церкви, их было выгоднее, чем бревна, вывозить из леса. Стойплощадку затянуло молодым соснячком, никакой дороги рядом не было. Ребята заглянули в шалаш, он со всех сторон был покрыт корнем и неплохо сохранился. Следовало, пока светло, продолжать поиски дороги. Поэтому сразу отвернули в сторону, намереваясь в этот день вырваться из плена тайги.

Весь остаток дня прошел в неустанных поисках дороги или тропы, но неудачно. Перед закатом солнца в лесу перестают шуметь деревья, замолкают пташки. С тишиной пришли сумерки. Нашим странникам преградило дорогу огромное сухое дерево, лежащее на земле, вывернутые корни его широко раскинулись над землей. Сели на дерево. «Но что, девчонки, приуныли? Надерите-ка сухого белого мха, а я костер разожгу, придется нам здесь заночевать». Костер запыпал. Поджарили на нем рыжики, которые набирали, блуждая по тайге. Поели эту свежину с брусликой и легли на мох между деревом и огнем. «Ничего, живы будем — не умрем», — бодро заявил Гришуха, когда на зорьке ребята проснулись и бодро зашагали по тайге.

Однако и этот день не принес удачи. Ягодники немало удивились, когда уже вечером впереди показались козлы и знакомый шалаш. Вспомнились рассказы бывалых людей, когда, заблудившись, они кружили по тайге и выходили на одно и то же место иногда по два раза и больше. Так хорошо пригодился этот старый шалаш! В нем было сухо. На земле лежали толстые плахи. Погреввшись у костра, уснули в этом лесном жилище. Когда стало от заривать, ягодники были на ногах. Дрожа от холода, стали греться у костра. И вдруг правее белой полоски рассвета послышался выстрел, и потом сразу ударило два выстрела. «Но, девчонки, седня будем дома: это на речке уточат парни на Зеленом озере и Ключах. Через час выйдем на Панские покосы, на речку», — обрадовал своих спутниц их поводырь. По крутыму склону спустились от козел и скоро вошли в березник. В высокой густой траве отыскали

хорошо заметную тропу, местами брели по ней по колено в воде. Этую местность по весне заливала разлившаяся речка.

«Как повалятся листья осенние, хороша эта ночка в лесу. Выручай меня, силушка мощная, я в неволе сидеть не могу», — запел Гриша песню своего деда. В ту пору старинные каторжные песни были любимыми в народе. Так, распевая, вышли к речке. Тихая, изредка прерываемая шиверами, в буйных зарослях тальника и черемух текла любимая речка нашего детства. Для настрадавшихся ребятишек она стала путеводной звездой: иди по ее течению и выйдешь на Лену, а это — дома. Ребята помылись, попили водицы и бодро зашагали по широкому лугу. Посреди его стояли три зарода сена. Прошли еще немного и увидели рядом с речкой зимовье сенокосчиков. Зашли в него. Печка — в углу. Широкие нары и столик — у окна. Красота-то какая! Лелька не вытерпела, запрыгала в трепаке и запела: «Я не бедненькая, я богатенькая, ты не бей меня, муж, я брюхатенькая». Счастливая, озорная подлетела, подбоченясь, к Любе, вызывая ее. Та в ответ тоже заплясала и пропела: «Я еще потопаю, годик проработаю, неужели на ботинки я не заработаю?» Потом подскочила к Грине, вызывая его. Он вызов принял, прошел в лихой присядке по кругу

Макаровская Ильинская церковь. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

и ответно пропел: «Ох, девки, беда, балалайка худа, надо денег подкопить, балалаечку купить!»

Весело затрещала затопленная печь. Ребята нашли на полке полбулки хлеба, немного сухарей, набрали за зимовьем душистой спелой смородины и аппетитно позавтракали. Потом принесли сухого сена, положили на нары и забылись на них в крепком, счастливом сне. Когда девчонки проснулись, Гриша негромко с подпевом напевал: «Ой вы, кони, вы кони стальные, боевые друзья — трактора, веселее гудите, родные, нам в поход отправляться пора». Это была песня его брата Алексея. Первый тракторист деревни, он рано умер. Простудился, ремонтируя в поле свой ХТЗ — колесный с шипами трактор, лежал на холодной земле под трактором. Героические люди пели героические песни. Мои милые, славные ребятишки, вы не знали, что пройдет всего три года и Родина позовет вас на войну.

«Говорил: „Живы будем — не помрем“», — это с удовольствием повторил Гриша, когда они к исходу дня берегом речки вышли к Лене. Отсюда до Макарово три километра да до родной деревушки семь. Это, считай, уже дома. Помылись в реке. С блаженством прилегли на травку у берега. Из-за Скобельского мыса вывернулся белоснежный пассажирский пароход с длинной, тонкой трубой. Сразу узнали — это «Соц. революция». Она тянула пассажирскую баржу тоже нарядного белого цвета. Тогда еще не появились многопалубные пассажирские пароходы. На барже играет патефон, и над речным простором громко разносится песня: «Если завтра война, если завтра в поход, если грозная сила нагрянет, как один человек, весь советский народ за свободную Родину встанет». На палубе в веселом фокстроте закружились счастливые пары.

Ох как не хочется подниматься с травы. Но поднялись и заторопились: до деревни не так уж далеко. Шли по угорной дороге до деревни, а потом спускались к реке. Так прошли мимо Макарово, Чечёткиной, Панской. Стыдно были идти по деревне в рваных платышках, изодранных во время блужданий по тайге.

Вот заскрипели большие въездные ворота и впустили изрядно уставших, настрадавшихся ягодников в родную деревню.

1995 г.

ПОБЕДИВШИЙ МЕДВЕДЯ

Имя этого человека, без оружия победившего в опасном поединке медведя, стало известно всему населению района.

Это был наш земляк, житель деревни Карасовой Киренского района Ефим Захарович Каравов. Во время отпуска я приехал в

Река Лена у села Макарово. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

родную Верхолукскую, где встретился с ним. Прошу его рассказать о том опасном столкновении с медведем. И вот что он рассказал.

«Мы охотились на Семиге с молодым напарником. Когда заехали в тайгу, началась оттепель. Снег начал быстро подтаивать. Договорились ходить в лес для безопасности вдвоем, так как каждый день пересекали медвежьи следы. Зверь из-за слякоти в берлогу не ложился.

Однажды всю ночь валил снег. А тут резко похолодало, подул порывистый северный ветер. В этот день мы пошли в лес раздельно, каждый по своему участку. Где-то в половине дня мне опять попался медвежий след. Хитрый зверь, готовясь залечь в берлогу, путал следы, делая круг за кругом. Перед самой берлогой он шел, пятясь назад. Будто уходил от нее в тайгу. И вот я услышал: мой пес загремел. Я бросился на лай, стало ясно: там берлога. Когда подбежал туда, огромный зверь вылетел снизу. И сразу с визгом откатился в сторону мой Рогдай, получивший мощный удар когтистой лапой. Я прицелился, но ружье не выстрелило из-за осечки и было выбито из рук сильным ударом зверя. С громовым рыком медведь бросился на меня. Я устоял от крепкого удара звериной лапой. „Врешь, не убьешь!“ — пронеслось в голове. И сразу вспомнилось: медведя можно напугать, если ухватить за его язык и начать ло-

мать и крутить его. Так я и сделал. Мгновенно бросил правую руку в разинутую пасть зверя, схватил его язык и начал с силой крутить и рвать его. Ого, как это не понравилось медведю! Он уже не рычит, а только как-то по-собачьи сердито скунит. Я смотрю в бешеные глаза зверя. Он топчется на месте, пытаясь оторваться от меня. Да не тут-то было! Хотя одна моя рука искусана, измята до костей и болит, будто опущена в кипяток, я крепко вцепился левой рукой в лохматый бок зверя. Злость добавила мне силы, и своей правой рукой я продолжал крепко сжимать и выкручивать ему язык. Наконец, зверю удалось оторваться от меня, он метнулся в затрецавшую чащу и скрылся.

Я упал в снег, жадно глотал его, потом разорвал нижнюю рубашку и левой рукой перебинтовал кровоточащую правую. К ночи мой напарник пригнал из Шестаковой коня и отвез меня в Макаровскую больницу. Потом опытный врач городской больницы Василий Андреевич Юрьев вылечил мою руку».

Шли годы. Как-то, встретившись с Ефимом Захаровичем, я спросил его, кому бы мог принадлежать красноармейский шлем — буденовка, обнаруженный мной в Брынском бору возле речки Макаровки. Шлем этот лежал на пеньке, наверное, много лет. Он истлел и развалился от старости. «Что ты говоришь? — оживился Ефим Захарович. — Это же мой шлем. Долго жалел, что утерял его. Это в нем я пришел с Гражданской войны. В 1929 году мы, фронтовики, организовали Карасовскую коммуну. Это было удивительное время. Счастливые, мы дружно жили, много и без устали работали. Тянулись к знаниям. По вечерам собирались в красном уголке и при свете керосиновой лампы читали — кто бы мог подумать — „Капитал“ Карла Маркса. Народ верил, что без образования он не будет свободным и сильным».

Ефим Захарович был уважаем в народе. К нему часто обращались за советом. Житель деревни Панской Антон Тимофеевич Монаков поделился со мной такими воспоминаниями. В 1942 году в Верхолукской шел вечер в честь раненых фронтовиков, которые возвращались домой. Попросили Ефима Захаровича поприветствовать их. Он поблагодарил славных защитников Родины и сказал: «Скоро мы так нажмем железной пятой на становую кость фашистских гадов, что она лопнет и наступит Победа». Молодой воин, опираясь на клюшку, подошел к ветерану Гражданской войны и сказал: «Спасибо, дядя Ефим».

Закончилась война. Ефим Захарович всегда с народом. Многие до сих пор вспоминают, как смело и своевременно давал он «отлуп» отдельным чинушам, кто оказался на руководящей работе и не оправдывал доверия людей. Шло отчетное собрание пайщиков Макаровского сельпо. «Ты, Андрей, парень ничего, да

сельпо-то, однако, пропьешь», — под одобрительные возгласы приветствующих стыдил Ефим Захарович нового председателя сельпо, любителя выпить. И жестко требовал с пьянством кончать да наводить порядок в торговле, а то некоторые продавцы барыгами становятся, не стыдятся обвешивать и обсчитывать людей.

Одинокий, он не поехал жить к дочерям в город, хотя они настойчиво звали его к себе. Был он по-прежнему неукротимым в делах, накрепко привязан к таежной своей деревушке да к сибирскому народу нашему, которому всю жизнь служил верой и правдой.

2007 г.

ДВА ТАЙМЕНИЯ

После Великой Отечественной войны вернулся в родную деревню Частых фронтовик Семен Афанасьевич Черкашин. Был он на войне разведчиком. Ратные подвиги его были увенчаны наградами. Имел он веселый и добрый характер. Любое дело спорилось у него в руках. И не мог он жить только для себя, каждому готов был угодить, помочь. А в свободное от работы время любил побродить с ружьем по лесу или порыбачить.

Деревня Верхолукская. Фото Ю. Лыхина, 2007 г.

Стояла поздняя осень. В колхозе уже отжались. Людям стали давать время для подготовки к зиме личных хозяйств. В один из таких дней Семен на своей легкой остродонной лодке поплыл посмотреть самолов. В понизовье этой запрещенной ловушкой, похожей на перемет, добывают осетров и стерлядей. Когда к вечеру рыбак не вернулся домой, люди встревожились. Кинулись на поиски. Недалеко от Щек, этих знаменитых ленских скал, нашли прибитую к берегу лодку Семена. Забеспокоились: неужели он погиб, когда смотрел самолов. Отгоняя тревожные мысли — не может их отважный земляк, крепкий и ловкий мужик, здесь оплошать, — подплыли к наплаву, за который привязан самолов. Перекрестившись, взялись за бечеву самолова, потянули ее и почувствовали, как тяжело она шла и вырывалась из рук от сильных, упругих толчков. Лодка накренилась настолько, что едва не зачерпывала бортом воду, когда трое мужиков осторожно вытягивали опасную снасть из воды. Неожиданно из воды показалось тело несчастного рыбака. Несколько крючков самолова вонзилось ему в руки и ноги. По всей видимости, он был выдернут из лодки двумя огромными тайменями, попавшими на этот же самолов, и утонул. Должно быть, это произошло так стремительно, что Семен не успел перерезать опасную бечеву, потянувшую его из лодки. Вынутая из ножен его боевая подруга-финка, не раз выручавшая своего хозяина в бою, лежала на дне лодки.

...Как живой остался в памяти деревенских жителей их земляк, герой-фронтовик Семен Афанасьевич Черкашин, погибший на воде так неожиданно и нелепо.

2007 г.

Об авторе: **Георгий Иванович Хромов** родился 14 мая 1926 года в деревне Верхолукской Киренского района в крестьянской семье. В 1941 году после окончания Макаровской семилетней школы начал учиться в Киренском педучилище, однако окончить его помешала Великая Отечественная война. Воевал на Дальнем Востоке пулеметчиком, радистом, был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги». В 1947–1949 годах работал заведующим Верхолукской избий-читальней и по совместительству секретарем сельского Совета. В это же время заочно завершил обучение в педучилище. В 1949–1955 годах также заочно учился на филологическом факультете Иркутского педагогического института. С 1949 года работал учителем, завучем, директором Дубровской, Бубновской и Криволукской средних школ, инспектором Киренского района. С 1981 года на пенсии, живет в Иркутске.

КИРЕНСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

Ольга Викторовна Кулешова,
директор Киренского
историко-краеведческого музея,
г. Киренск Иркутской области

*Уважение к прошлому —
вот та черта,
которая отделяет
образованность от дикости.*
А.С. Пушкин

Киренск — один из старейших городов Иркутской области со своей богатой историей, которая насчитывает несколько веков, — поразительно богат на события и судьбы людские. Муниципальное учреждение культуры «Историко-краеведческий музей» является одним из главных хранителей этих вековых тайн нашего края.

В числе первых энтузиастов по сбору краеведческого материала в Киренске был действительный член Всероссийского географического общества, учитель географии Киренской семилетней школы Василий Александрович Вдовин. Благодаря его активной деятельности в 1950-х годах в школе работал краеведческий кружок и создан музейный уголок, в котором накопилось немало различных экспонатов. Однако после отъезда В.А. Вдовина из Киренска в конце 1950-х годов краеведческая работа в школе остановилась, а собранные экспонаты во многом были утрачены.

В 1972 году вновь образованный краеведческий музей в средней школе № 1, бывшей семилетней, возглавил учитель истории Виталий Николаевич Тирский. При нем, до середины 1980-х годов, музей размещался в бывшем домике священника, находившемся рядом со школой, в сквере Свободы. Однако годы перестройки стали не самым лучшим временем для музея. Он оказался никому не нужен, надлежащее хранение экспонатов не обеспечивалось, многие из них вследствие этого были утеряны или безнадежно испорчены. Не сохранилось также никаких описей и документов старого музея.

Здание Киренского историко-краеведческого музея. 2009 г.

Неоценимую помощь в восстановлении музея оказала краевед Людмила Степановна Нератова. В 1990 году городской властью для него было выделено другое здание, по улице Советской, 18. До революции в нем находилась женская прогимназия, позднее — разные школьные и дошкольные учреждения. Городская администрация отремонтировала здание после произошедшего в нем пожара. Директором музея была назначена Наталья Александровна Анкудинова. 26 августа 1993 года состоялось открытие нового музея.

Ныне общая площадь Киренского историко-краеведческого музея составляет 360 квадратных метров. В нем имеются экспонаты по археологии и этнографии, здесь можно познакомиться с предметами крестьянского быта, с историей ссылки в документах и фотографиях, с историей советского периода и Великой Отечественной войны, с историей трассы АлСиб (Аляска – Сибирь), с ветеранами войны и труда и т. д. Кроме того, в здании музея есть выставочный зал, в котором проводятся выставки работ художников и мастеров народных промыслов. Музей осуществляет тесную связь с историками и краеведами И.М. Журавлёвым, Г.Б. Красноштановым, Л.Е. Холиным, В.Ф. Тарасовым, Н.М. Макеевым и другими.

Историко-краеведческий музей имеет небольшое фондохранилище. Его площадь составляет 23 квадратных метра. Музей-

ный фонд пополняется в ходе экспедиций по району, в результате дарения, приобретений на средства от платных услуг, за счет привлечения спонсорских средств. К началу 2009 года музейный фонд насчитывал 1 870 единиц хранения основного и 464 единицы научно-вспомогательного фонда.

С мая 1998 года музеем руководит новый директор — О.В. Кулешова. Со дня открытия музея вся работа развивалась по принципу совершенствования традиционных форм и видов основной деятельности. Теперь пришло время переосмыслить и пересмотреть свою деятельность.

Поиск новых возможностей и расширения круга музейных услуг позволил сделать работу музея более интересной и эффективной. Одним из приоритетных направлений работы музея сегодня является музейная педагогика. Она связана с задачами, ориентированными не только на дошкольников, школьников, студентов, но и на взрослое население. На музейных экскурсиях, уроках мы помогаем детям понять красоту и своеобразие русской культуры. Музей оказывает существенную помощь учителям школ в решении образовательно-воспитательных задач. Совместная работа музейщиков и педагогов по организации и проведению учебных

Сотрудники музея (слева направо): директор О.В. Кулешова, художник-реставратор и экскурсовод Е.В. Арбатская, хранитель фондов Д.Н. Тараканов, технический работник Р.А. Саенко. 2009 г.

Фрагмент музеиной экспозиции

экскурсий привлекает посетителей и вызывает у них интерес, заставляет их думать и размышлять.

Экскурсии, выставки, занятия в музее раздвигают рамки обычного школьного пространства. На экскурсиях в музее дети могут поиграть. При проведении таких народных праздников, как Рождество, Новый год, Масленица, Пасха, роль игры особенно велика. Мы знакомим детей не только с традиционными народными играми, пословицами, поговорками, но и с народными обычаями, обрядами и т. п. Программа «Новогодний город детства», проводимая в игровой форме, развивает у ребенка самостоятельность, активность. Подобные игры способствуют повышению качества обучения, более осмысленному накоплению знаний. Так, например, в музее на базе музеиных фондов проводится игра «Путешествие в прошлое», в ходе которой дети знакомятся с народными ремеслами, основными промыслами нашего края. Дни мастера в музее знакомят с работой сегодняшних мастеров декоративно-прикладного искусства, достойных продолжателей традиций народных умельцев прошлого.

Большой популярностью у детей пользуются уроки мастерства, мастер-классы. Например, показ технологии лепки из глины фигуры какого-либо животного, создаваемой руками умельца, вызывает и у детей желание научиться этому мастерству. В ходе

показа они узнают интересные истории о животном, значит, получают полезную информацию, а одновременно отдыхают.

Музей помогает педагогам в составлении сценариев школьных мероприятий, конспектов исторических уроков, связанных с народной культурой, в организации районных и городских конкурсов и т. д. На протяжении нескольких лет музей поддерживает тесную связь с предприятиями города, с педагогическо-техническим колледжем. На базе музея работает клуб народных ремесел «Светлица», где детей обучают технологии лепки народной игрушки, а также плетению из бисера. Для любителей садов и огородов работает клуб «Академия на грядках».

Еще одно направление работы музея — организация выставок. В 2008 году музеем было подготовлено и проведено 15 выставок разной тематики. Среди них пять выставок по традиционным народным ремеслам, а также выставки-ярмарки игрушек, изделий из бисера членов клуба «Светлица», районная выставка «Настроение души» по декоративно-прикладному искусству, в которой принимали участие мастера района. Такие выставки имеют особый духовный потенциал, создают творческую и дружескую атмосферу, учат общению, вызывают желание создать что-то свое, неповторимое, помогают повысить профессиональный уровень. После проведения выставки работ инвалидов лучшие из них экс-

Фрагмент экспозиции «Старый город»

Театр «Пересвет» в гостях у музея. 2009 г.

понировались в «Сибэкспоцентре» в Иркутске, где некоторые работы были отмечены ценностями подарками.

Большой интерес не только жителей Киренска, но и его гостей вызывают выставки произведений местных художников. На протяжении нескольких лет историко-краеведческий музей активно сотрудничает также с Детской школой искусств имени А.В. Кузакова. Взору музейных посетителей представлялись работы преподавателей и учащихся этой школы, выполненные в разной технике: батик, графика, пастель, акварель и т. д. Усладой для души и глаз стали организованные выставки «Старая, старая открытка» и «Расписной валенок», где участники имели возможность проявить свое творчество и фантазию.

Большая работа ведется и в постоянных экспозициях музея. Одна из них — экспозиция воздушной трассы Аляска – Сибирь, по которой с 1942 года шли поставки грузов в СССР из США по ленд-лизу. Для учащихся школ города и района, студентов педагогического-технического колледжа проводятся уроки мужества «О Героях Советского Союза Киренского района». Военная тематика занимает особое место в деятельности музея. Работа в этом направлении ведется весь год. Используются различные формы: вечера-встречи, музыкальные гостиные для ветеранов и тружеников тыла, уроки мужества, лекции. Сотрудниками музея проводятся экскурсии по историческим и памятным местам

города. Вся работа направлена на воспитание патриотических чувств, уважения к историческому прошлому, к старшему поколению, любви к малой родине.

Для людей пожилого возраста при музее создан клуб «Травинка», где они могут активно общаться друг с другом. Специально для них разработана экологическая программа, пропагандируется здоровый образ жизни. Участниками клуба собран гербарий лекарственных растений нашего края. Для молодежи были проведены выставки «Помоги себе сам», «Здоров будешь — все будешь».

Музеем также оказывается большая методическая помощь сельским клубным формированиям в создании различных кружков на селе, клубов по интересам, творческих мастерских. Музеем организуются экспедиции по сбору краеведческого материала, народного фольклора, информации о сохранившихся народных ремеслах. На территории музея проводятся народные праздники — Новый год, Рождество, Масленица, Пасха, праздник русской березки, Ивана Купала и другие. На таких мероприятиях происходит приобщение людей к духовной культуре, знакомство с традициями и обычаями старины глубокой.

Сотрудники музея тесно сотрудничают с информационно-методическим центром межпоселенческой библиотеки. Они повышают свой профессиональный уровень на курсах повышения квалификации, изучая специальную методическую литературу, участвуя в районных семинарах, конференциях работников народного образования.

С 1 января 2008 года Киренский историко-краеведческий музей получил статус муниципального учреждения культуры. Соответственно увеличились объемы работы, но финансирование осталось на прежнем уровне. Оно сводится только к выделению денежных средств на зарплату трех сотрудников музея, на оплату коммунальных услуг и совсем немного на ремонт здания. В том же году благодаря районной администрации, мэру Киренского района П.Н. Неупокоеву был произведен частичный ремонт пристроя здания музея, где сейчас работают клубы. На 2009 год был запланирован ремонт отопительной системы, полов, дверей и основного здания музея, но в связи с экономическим кризисом возникли проблемы с финансированием.

Несмотря на определенные трудности, сотрудники музея ответственно относятся к своей работе, стараются воспитывать в подрастающем поколении богатую духовную культуру.

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

ДЕНЬ ЛЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Андрей Юрьевич Исаев,
историк, археолог, краевед

Археология — наука очень специфичная. Где-то на границе гуманитарных и естественных наук. К какой группе она больше тяготеет, еще вопрос. Очень трудоемкая. Даже постановка определенных вопросов требует перелопатить не одну сотню кубометров отложений самого разного генезиса. Очень мобильная. Каждый сезон — это сотни километров исследовательских и рабочих маршрутов, возникающих порою достаточно неожиданно. Достаточно экстремальная. Речные сплавы, таежные и горные маршруты, самые различные природные и погодные условия. При этом начало сезона захватывает еще не отошедшую мерзлоту, а его окончанию сопутствуют снег и холода. Очень романтичная. Тесный круг достаточно близких тебе людей, порою при довольно редких контактах с внешним миром. Природа, зачастую достаточно дикая, щедро одаряющая красотой ландшафтов, богатством флоры и фауны. Друзья, костры, гитары, песни, общение, легенды, фольклор.

Традиции, работа и быт — три основные составляющие любой экспедиции. Но если вопросы работы и быта в той или иной степени решаются довольно эффективно, то с традициями дело обстоит сложнее. Распад Советского Союза, экономические неурядицы и бытовые проблемы России 1990-х ослабили, а кое-где едва ли не полностью «выбили» нынешнее «среднее звено», везде и всегда служившее носителем традиций (опыт передается старшим поколением, значительный объем работ производится молодежью и студентами). Достаточно сказать о существенном перерождении «Геродота» (праздника посвящения в историки) и упадке его популярности на истфаке Иркутского госуниверситета, прекращении практики традиционных отчетов студентов по итогам полевого сезона (проходивших в форме капустников с использованием музыкальных и поэтических форм подачи материала), прекращении «летописи факультета», формализации или

отсутствии посвящений в студенты, историки, археологи, практически в полном незнании археологического фольклора молодым поколением. Список можно продолжать бесконечно, завершая слабым знанием результатов работы предшествующих поколений и практически в полном незнании даже наиболее легендарных, харизматических фигур.

Особую группу незнания составляют археологические праздники, в частности День Ленской экспедиции (7 августа). Многие археологи (среди которых встречаются и коренные «ленцы», не один год, а то и десятилетие проработавшие на Верхней Лене и ее притоках) просто не имеют представления о его существовании или не признают его за праздник. Значительная часть археологов отмечает его просто как День экспедиции (и здесь с ними солидарны геологи, географы, ботаники, почвоведы и представители других наук, выезжающие в поле). При этом история его происхождения зачастую вообще не обсуждается.

Среди тех, кто в той или иной степени знаком с историей происхождения праздника, единство существует, пожалуй, только в одном: День Ленской экспедиции «придумал» Михаил Петрович Аксёнов (1934–2002), еще при жизни ставший одной из легенд иркутской археологии. Невысокий немногословный бородатый человек, с первого взгляда производящий впечатление угрюмости, нелюдимости и необщительности, а в действительности отзывчивый, добрый, внимательный, воспитавший целую плеяду способных и талантливых учеников. Всю свою жизнь Михаил Петрович посвятил изучению каменного века Восточной Сибири, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Верхоленская гора — памятник каменного века Сибири» (1970 г.), докторскую — «Палеолит и мезолит Верхней Лены» (1989 г.), опубликовал около сотни научных статей по различным проблемам палеолитоведения. Среди десятков археологических открытий Михаила Петровича бриллиантом чистейшей воды сверкает стоянка Макарово-IV, ставшая опорным памятником палеолита Верхней Лены, но так до конца не осознанная и не понятая исследователями.

Его жизнь — ярчайшее подтверждение археологической истины «в поле можно выехать только один раз, после чего-либо вернуться сразу, либо не вернуться никогда». Петрович прикипел к «полю» с первого же полевого сезона 1958 года, проведенного в Мальте под руководством Михаила Михайловича Герасимова (также одной из легенд иркутской и советской археологии). Сорок три полевых сезона (из них тридцать четыре ленских), проведенных в качестве сотрудника, руководителя и научного консультанта (в конце 1990-х гг.), говорят сами за себя. Лишь в последнее лето

жизни плохое самочувствие не позволило ему выехать в поле. Да и то из-за активного противодействия родных и близких.

Михаил Петрович был не только выдающимся практиком полевых работ, но и бережным хранителем археологических традиций. И не просто хранителем, но и их создателем.

Существует много версий происхождения Дня Ленской экспедиции, включая и вполне клеветнические: «серьезная разминка» перед Днем археолога (15 августа), «заполнение вакуума между Днем железнодорожника и Днем археолога» и даже просто «очередной законный повод устроить хорошую пьянку».

В июле–сентябре 2000 года два археологических отряда (один под руководством Николая Александровича Савельева, второй под руководством Евгения Матвеевича Инешина и Алексея Владимировича Тетенькина) произвели совместные спасательные работы на многослойной археологической стоянке Хайтинский мост в поселке Мишелёвка Усольского района Иркутской области. В ходе работ сложился отличный дружный коллектив. Атмосфера и работы, и быта была буквально пропитана духом археологических традиций. С большим духовным и творческим подъемом участвовал в тех работах и автор этих строк. В результате появилась поэма «Хайтинский мост: бытовой взгляд на научные проблемы». Предлагаемая версия происхождения Дня Ленской экспедиции является выдержками из главы «7 августа».

Наш праздник фимиамом не богат.
Встречаем утром мы его с лопатой.
Для нас работа даже в праздник свята.
К тому же так традиции велят.
Днем экспедиции он назван был когда-то.

*Михаил Петрович Аксёнов
(1934–2002)*

Днем Ленской экспедиции. Его
Нам подарил Петрович («Дядя Миша»).
Кто о его Макарово не слышал?
Кто о профессоре не знает ничего?
Пришел на факультет почти парнишкой

(Одним из многих, надо полагать).
Неразговорчив, невысок, нескладен.
Со всеми он сошелся и поладил.
Кто мог тогда всерьез предполагать,
Что он пришел совсем не Бога ради,

А чтобы, сотни исписав тетрадей,
Из города надолго пропадать.
Учиться. Размышлять. Искать. Страдать.
Трудиться. Находить. Быть в авангарде.
Археологии всего себя отдать.

Мы можем очень долго говорить
О нем самом и о его работах.
Но нынче рассказать пришла охота
О том, как новый праздник подарить
Он смог археологии. Пусть кто-то

Скептично скажет: «Было все не так!»
На сей предмет есть много разных мнений.
Случилось все давным-давно на Лене,
Где много лет потомственный казак
Шел к Истине. Раскопы — как ступени.

Петрович, по округе побродив,
Пришел к раскопам. Смуглый и патлатый.
Уже в летах. Седой и бородатый.
Сидел в раздумье долго. Закурив,
Сказал кому-то: «Брось махать лопатой.

Присядь. Перекури. Решим вопрос
Как дальше жить. Что делать. „Или-или“?
Как раз седьмого августа открыли
Стоянку эту. Было все всерьез.
Как раз седьмого первый шурф забили.

С подъемки все, ребята, началось.
Потом зачистка, два шурфа и врезка.
Нашлись монета, ржавый гвоздь, стамеска.
К обеду артефактов не нашлось.
Мы в глубь стремились, как к воротам Бесков.

Пусть оказались „чистыми“ верха,
„Стерильными“ слои — мы не сдавались.
Мгновенья до находок оставались.
Поели (черствый хлеб, салат, уха).
Вновь за лопаты. Наконец прорвались:

Скол. Нуклеус. Отщеп. Еще один.
На планы заносили мы находки.
Смеркалось. Искупались. Вброд и с лодки
Рыбачили (мы все к утру съедим).
Зажарили улов на сковородке.

Поев, проговорили до утра.
Нашли мы „свой“ палеолит на Лене.
Не описать мне счастья тех мгновений:

Река Лена возле бывшей деревни Макаровой (Качугский район).
Фото Ю. Лыхина, 2003 г.

„Открытий новых подошла пора!“ —
„Настала наша эра!“ — „Нет сомнений!“

Вот так, ребята, все и началось.
Что было „до“ — так то не наше было.
Кому-то с материалами фартило.
Но нам увидеть их не довелось,
А всех увидевших давно взяла могила.

Былых традиций нам не возродить.
Да, впрочем, они были-то едва ли.
Традиции тогда не создавали.
Боялись подозренья зародить.
Тихонечко успехи отмечали.

А мы в другое время рождены.
Ну что же — значит, нам и карты в руки.
Мы сделаем немало для науки.
Но вместе с тем мы создавать должны
Традиции: их будут наши внуки

И правнуки хранить и развивать.
Мы ж, основоположники традиций,
Должны для многих Ленских экспедиций
Дать повод этот день не забывать,
Наш опыт перенять и причаститься.

Так вот, теперь (отныне и вовеки!)
День Ленской экспедиции встречать
И как престольный праздник отмечать
(Пусть даже выметая все сусеки!)
Седьмого августа! Вот подпись и печать!

Отметим праздник вечером, ребята!
Днем мы не будем тратить лишних слов.
Поэтому основою основ
Работа будет! Так что за лопаты!»
Раскоп был к вечеру зачищен и готов.

Вот так и повелось. Потом забылось,
Откуда праздник сей и для чего.
Изъяли слово «Ленской» из него.
Оно у многих просто не прижилось.
День экспедиции — так празднуют его.

НОВЫЕ КНИГИ

Ленские частушки / сост. Ю. Лыхин. Иркутск, 2004. 103 с.

В книге представлены наиболее характерные и художественно-выразительные частушки, певшиеся и поющиеся до сих пор в Киренском районе Иркутской области. Книга оформлена иркутским художником, артистом городского театра народной драмы Федором Ясниковым.

Воспоминания ленских жителей / сост., вступ. ст. и примеч. Ю.П. Лыхина. Иркутск, 2007. 512 с.

Авторами вошедших в книгу воспоминаний являются бывшие ленские жители. Все они проживали в Киренском районе Иркутской области в нескольких близлежащих населенных пунктах, расположенных на берегах р. Лены ниже г. Киренска. Хорошо дополняя друг друга, публикуемые воспоминания полноценно отражают жизнь ленских крестьян в первой половине XX в. Прошедшее встает перед читателем ярко и образно во всех повседневных трудах и заботах, событиях и переживаниях людей.

Пономарёв Н.А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. 232 с.

В книге представлен материал о поездке иркутского викарного епископа Евгения (Зернова) в Киренский уезд Иркутской губернии в 1913 г. Путевой дневник, который вел иркутский священник Н.А. Пономарёв, и фотографии, сделанные им во время поездки, дают живую картину духовной жизни Восточной Сибири начала XX в., а также свидетельствуют о ярких страницах иркутского периода подвижнической жизни епископа Евгения, впоследствии митрополита, расстрелянного в 1937 г. и причисленного к лику святых в чине священномученика в 2000 г. Архиерейским собором Русской православной церкви.

Хромов Г. Таежные берега Лены: старинные говоры, пословицы, поговорки, прибаутки, песни, загадки родного Ленского края. Иркутск, 2007. 96 с.

Автором книги, коренным ленским жителем, учителем русского языка по профессии, собрана большая группа слов, относящих-

ся к местному, ленскому, говору. Книга также дополнена многочисленными загадками, пословицами, поговорками, прибаутками (присказками), которые были в ходу на р. Лене, старыми песнями, полюбившимися ленским жителям.

Тихонов В.В., Нефедьева А.К. Этнографический музей под открытым небом «Ленская деревня» в поселке Ключи Казачинско-Ленского района Иркутской области: (обоснование к строительству). Иркутск, 2007. 24 с.

Авторы брошюры рассматривают концепцию создания этнографического музея под открытым небом «Ленская деревня» в пос. Ключи Казачинско-Ленского района Иркутской области. Работа предназначена специалистам в области скансенологии, музеевого дела, реставрации и реконструкции памятников деревянного зодчества, административным работникам, интересующимся сохранением традиционной народной культуры методом создания этнографических музейных комплексов под открытым небом.

Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск: Приамурское географическое общество; Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 752 с.

В книге описана жизнь знаменитого сибирского землепроходца XVII в., первого землепашца на р. Лене Е.П. Хабарова. В основу повествования положены исключительно архивные документы, что позволяет составить объективное представление о личности Хабарова, о положительных и отрицательных чертах его характера и о его деятельности. Преобладающая часть опубликованных в книге документов вводится в научный оборот впервые.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. 378 с.

В книге рассказывается о жизни и деятельности Никифора Черниговского — строителя и защитника Албазинского острога, оплота Русского государства XVII в. на Амуре. Большое количество ранее неизвестных архивных документов позволило заполнить пробелы и устранить многочисленные ошибки в биографии Черниговского. Это касается обстоятельств появления его в Московском государстве, ссылки в Енисейск, службы на р. Лене, побега на Амур, пребывания в Албазине и смерти, судьбы его сыновей и других потомков.

СКАЗКИ ЛЕНСКИХ БЕРЕГОВ

СТАРУХА-ВОРОЖЕЯ*

У старухи было два сына, да обои лени. Не дадут старухе кусок — голодовать должна!

Но и сидела старушка голодовала-голодовала, думала-думала и удумала:

— Сыновья, коновязь-то у купца в березняке. Сходите-ка туда. Коней-то возьмите да за город к пенькам и привяжите.

Они это живо сделали. Побежали, коней барских отвязали от коновязи, к горам завели да там и припугнули.

Работники пошли коней-то перевязывать — а их нету. Прибежали работники к купцу и говорят:

— Кто-то коней увел. (А ране все цыгане уводили.)

А эта старуха свое дело знат. Села на завалинку и сидит-посиживает. А купец бега-а-ат! — коней ищет. Пробегает мимо ее, а она ему и говорит:

— Ты чо, батюшка мой, запечалился?

— Да не говори, бабушка, кони потерялись.

— Дак ворожить надо.

— Надо бы. Да кто же сворожит?

— Да я мало-мало умею.

Разложила карты.

— О, батюшка мой, они вот в таком-то месте к пенькам притупались.

И вот пошла слава: старуха-то правду ворожит!

Пришла зима. У купца шкатулка с деньгами потерялась. Что теперь?

Этот купец говорит:

— Старуха-то правду ворожит. Надо съездить за ней, чтоб сворожила.

Но все-таки решился проверить ее и работникам наказывает:

— Убейте ворону да в печку запихайте. (Старуха, мол, узнает или нет. Если правду ворожит, то должна узнать, что в печке ворона.)

* Печатается по: Шастина Е.И. Сказки ленских берегов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. С. 121–122.

А старуха-то эта все с приговоркам. Она отродясь в халупочке жила, в таких хоромах-то и не бывала. Зашла, оглянулась так вот по сторонам и говорит:

— Ох ты, мнешеньки! Залетела ворона в царски хоромы.

А купец и смекнул: ишь, догадалась старуха, узнала правду-то:

— Вытаскивайте скорей ворону! (А это така приговорка у ней была — она ничо не знала.)

Ну истопили старухе баню. Сегодня, мол, уж ворожить не будем. Сходи, мол, сегодня в баню. Она в задний жар залезла на полок*. А мужик, который украл шкатулку, стоит за дверью и слушает: чо, мол, она скажет, то мне и будет. Старуха парится да приговаривает: «А чо будет спинке, то будет и горбинке».

Вор-то думает: «И правда — мне будет спинке и горбинке — ведь меня избьют».

Выпарились старуха. Выходит из бани, а вор-то и пихат ей шкатулку:

— На, бабушка, возьми. Только на меня не сказывай.

Она взяла ее и загребла в одном месте под снег. Ночевала, а утром стала ворожить: «Да чо тут — она в таком-то месте в снегу затоптана».

Купец пошел — ну верно! Опять старуха всю правду сказала. А платить-то ему жалко. Вот он и удумыват, как бы обмануть ее. И наказывает работникам:

— Нагребите ей воз шавлей** конских и воз хлеба.

Работники нагребли два воза и поставили рядом. Она оделась, идет, садится на конски говна и опять с приговором:

— Садилася Домна на конские говна.

Купец-то и кинулся к ней:

— Ой, бабушка, неладно садишься-то. Вот твой воз. Сюда надо!

Так и выворожила старуха воз хлеба.

Вот что значит приговорка-то — в них вся правда. Так раньше многие кормились приговорам — в них правда, а не в картах — в них я не верю.

КАРТЫ***

Думаешь, карты просто так сделаны? Они ведь не просто сделаны так. Сказка эта доказывает, что карты взяты из Библии.

* Полок — в русской бане в углу возле каменки сооружается помост, на котором парятся.

** Шавлей — шавли — замерзший конский или коровий помет.

*** Печатается по: Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. С. 122–124.

Пришел допризывник в армию и ставит себе задачу, чтобы отслужить в армии честно, благородно. Не иметь никаких взысканий, а только на отлично и на хорошо. Прослужил два года — служба идет только на отлично. Он пишет увольнительную записку командиру. Тот подписывает сразу: он видит все отлики солдата.

А было это в старое время. Тогда еще церкви работали, богу молились солдаты. Ну, он, конечно, не пошел в моленье, а пошел в город. Там думает: куда идти? На базар? Делать нечего. Какое русское моленье, я, думает, знаю. Мечеть тоже знаю. Пойду-ка я, думает, в костел — это польское моленье. А там все читают по книжонкам.

Солдат заходит и видит, что на правой руке стоит русский офицер ихней же роты и тоже книжонку читает.

Солдата заинтересовало их моленье посмотреть. Он давай искать в карманах какую-нибудь книжонку. Но никакой у него книжонки не было, а в левом кармане гимнастерки были карты — пятьдесят три карты. Он взял их и давай так перелистывать, вместо книжонки.

Офицер подходит и говорит:

— Служивый, за вами я заметил, что вы при молении балуетесь картами. Идите сейчас же к господину подполковнику и скажите, что вы при молении баловались картами.

Солдат: «Слушаюсь!» — и пошел.

А офицер пошел посмотреть, доложит или нет солдат сам на себя. Ну, дозором идет.

Солдат приходит, сразу в штаб заходит, стукается в дверь:

— Можно?

— Можно, — ему отвечают.

И сразу солдат рапортует:

— При молении я баловался картами.

Тот ногами как затопает:

— Как ты, сукин сын, смел так при молении баловаться картами?!

А он говорит:

— Разрешите мне сказать. Карты — это запись Библии.

— А чем ты можешь доказать?

А офицер тот подошел к двери и слушает.

Солдат показывает карту и говорит:

— Когда я стою при молении, видите — эта карта с одним пятном мне напоминает, что на небе есть у нас единственный бог.

Когда я вижу двойку, то карта мне напоминает, что у нас в мире есть два существа: человечество и божество.

Когда я вижу тройку, то она напоминает мне, что у нас бог был в трех лицах: бог — отец, бог — сын, бог — дух святой.

Когда я вижу четверку — она напоминает, что у нас было четыре евангелиста: Матвей, Марко, Иоан, Лука.

Когда я вижу пятерку, она напоминает мне, что у каждого человека есть пять чувств.

Когда я вижу шестерку, то она напоминает мне сотворение мира: бог творил видимо и невидимо шесть дней.

Когда я вижу семерку, она напоминает мне, что мы проживаем по Библии седьмую тайну.

Когда вижу восьмерку, она напоминает мне всемирный потоп: тогда справедливый Ной брал чистоплотных и нечистоплотных на восемь пар птиц на ковчег.

Когда я вижу девятку, она напоминает мне, что у нас было девять святых: Николай-чудотворец, Пантелеймоний, Софроний, Иннокентий и др.

Когда я вижу десятку, то она напоминает мне десять заповедей на горе Одюнской, Моисеем написанных.

Валета пропускают каким-то способом. Кладет его на стол, и подполковник его пока не спрашивает.

— Когда я вижу даму, она напоминает мне, что есть соломоновы премудрости.

Когда вижу короля — тут уж вы сами знаете: на небе есть бог, а на земле есть царь. У него и корона есть.

Берет всю колоду в руки и говорит:

— Вот в этой колоде двенадцать картинок — так и в году двенадцать месяцев.

Когда я вижу в этой колоде пятьдесят две карты, то в году у нас есть пятьдесят две недели.

Когда я вижу в этой колоде четыре масти, то в году есть четыре перемены.

Когда я вижу в этой колоде триста шестьдесят пять очков, то у нас в году есть триста шестьдесят пять дней.

А когда бывает год високосный — вот карта без очков, не играна она.

Подполковник и говорит:

— Служенький, вы про валет-то забыли?

А офицер-то тот в дверях стоит и слушает.

— А валет, — говорит солдат, — это тот прохвост, который отравил меня к вам с докладом.

— Молодец солдат, — говорит подполковник.

— Рад стараться!

Подает ему подполковник пять рублей, подходит к офицеру, срывает погоны, говорит:

— А тебя, сукина подлеца, никуда не надо отпускать.

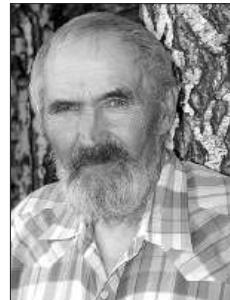

СТОРОНА РЕЧНАЯ*

Анатолий Горбунов

Путь

Бреду через реку времени.
Кого я спрошу за рекой:
Какого я рода-племени,
Чья кровь во мне, кто такой?

Русь

Страна богатая и голая.
Куда ни глянь, везде урон.
Сынам за верность рубишь головы
И садишь пасынков на трон.
Не дорожишь родными стенами,
Не бережёшь родную даль.
Твоими недрами и генами
Торгует праздничная шварь.
Века грешишь и Богу молишься,
Скорбишь и точишь топоры,
А кровью собственной умоешься —
В снегах притихнешь до поры.
На солнцепёках отогреешься,
Озёрной ивой встретишь май...
Куда идёшь, на что надеешься?..
Тебя попробуй разгадай!

* Печатается по: Горбунов А.К. Сторона речная: стихи и поэмы. Иркутск: Изд. центр журнала «Сибирь», 2004. 256 с.

Верхоленье

Баня. Завозни. Изба.
Стайка, загон и повети.
Не уродились хлеба.
Вся, брат, надёжа на сети.
Ловко их садит чалдон.
Чинит хозяйка одёжду.
Нехристью край разорён,
Больше не жить им, как прежде.
За обомшелой стеной
Жвачку жуёт коровёнка.
Что станет с этой избой?
Цены-то выросли вон как!
Постук поспышится в дверь —
И наготове ружьишко:
Жизнь человека теперь
Стала дешевле кукишки.
Кажет бескоромица прыть —
Ранний снежок на пороге.
— Эхма, успеть бы добыть
Вдоволь ельца и сороги!

Из детства

Деревенъка с рукавичку.
Ребятишки — мал мала.
Убегали на кулички,
Где янтарная смола,
В падях кедры-старолетки
Словно мамонты паслись,
Векши прыгали по веткам
И роняли шишки вниз.
Мы орехи выбирали
Из чешуек золотых,
И синички проверяли,
Чтобы не было пустых.
Драгоценные подарки
На поняжки увязав,
Шли домой, ступая жарко
На костры багряных трав.
По хребтам катилось эхо
За дремучие тальцы...
Папы щёлкали орехи
И хвалили: — Молодцы!

На Ичёре

Не дерите, кукши, глотку,
Мирных гнёзд не разорю!
Окуней таскаю в лодку —
Полосатую зарю.

Плёс уловистый надыбал!
Я найду куда их деть...
Смотрит с завистью на рыбу
Из-за дерева медведь.

Весенняя закличка

Ты, зима, не гультай,
Не морозь кусточки,
Голубой сосулькой
Отомкни замочки.
Вербушка-веснянка,
Открывай ворота.
Распахнись, полянка,
Расступись, болото.
По ступенькам света
В серых и колечках
Поднимайся, лето,
На моё крылечко!

Вечерние сумерки

Мать-и-мачеха свечку зажгла,
Свет во мрак заструился пугливо,
На икону оттаявшей лывы
Золотая дорожка легла.

Предтеча

Лето синие дни
Собирало в подол.
Пролетая над ним,
Тонко свистнул щегол.

И отточенный свист
Ветку ивы задел,
Свистом срезанный лист
На песок полетел.

Ехал дед на возу
И печально изрёк:
— Золотую слезу
Уронил сентябрёк...

Проводы лета

Угольками стрелял костерок.
Сивый пепел осел на осоку.
В поднебесье метался дымок,
Как за лапку привязанный сокол.
Безнадёжно рассыпался плот,
Ни к чему его, милая, ладить —
Вон пошли крохали на улёт,
Разбежавшись по зыбчатой глади.
Всё смотреть бы на них, всё смотреть,
До конца своих дней любоваться
И, обнявшись с тобой, умереть,
А весной молодыми подняться!
Листопадом истекшая даль
Обнажила проточные воды,
И легла мировая печаль
На лицо обречённой природы.

Родная земля

В седом подмареннике берег.
Заречные тропы круты.
Я посохом жизни измерил
Угрюмые эти хребты.

Груженные хлебушком нарты
К далёким зимовьям тянул,
Гонялся за призрачным фартом —
Горел, замерзал и тонул.

Блуждая под небом огромным,
По звёздам всегда выходил
К полям — терпеливым и скромным,
Где корни мой пращур пустил.

А Лена шugoю хрустела,
Из рук вышибала весло...
Зовут в путь-дорожку метели,
Крылами шуршат о стекло.

Зовут на отцовскую землю,
Где ходит винтом снеговей...
И, голосу памяти внемля,
Я рвусь всеми силами к ней!

Время жатвы

Переспели дикие овсы.
Гуси завернули на кормёжку:
Дымчатые, в капельках росы,
Осень отпевали под гармошку.

Гармонист на лавочке сидел,
Прошлое своё перебирая,
За реку задумчиво глядел,
Где купалась ившушка нагая.

Сброшенное платье на пески
Отливало радугой печали.
Вороша пустые колоски,
Гуси под гармошку причитали.

Время жатвы — светел и велик
Вечный мир вселенской тихой скорби,
Словно изработанный старик,
Старый месяц, тая, спину сгорбил.

Землепашцы северной глухи
Обрели давно иную пристань...
В отсыревших избах ни души,
Кроме пожилого гармониста.

Старая заимка

Здесь чья-то старость, молодость и детство
С лица земли исчезли навсегда.
С неприбранным погостом по соседству
Остались бор и поле для труда.
Берестяная простенькая утварь
Ещё хранит хозяйствское тепло.
Как девочка, смеющееся утро
Уставилось в оконное стекло,
А ржавые сосновые иголки
Втыкаются в ладони лопухам.
Вавакают за пряслом перепёлки,
И вторит им пустой небесный храм.
Развёл костёр... И тут же зоркий ворон
Откуда-то примчался на дымок:
Кто, дескать, здесь, указу непокорен,
Зажёг без спросу русский огонёк?
Пропахшее смородишником лето
Любуется собой в речную гладь...
На этой обезлюдевшей планете
Всё сызнова придётся начинать.

Сокровище

Далёкий ленский край,
Тоскую по тебе.
Там хлеба каравай,
Что солнышко в избе!
А говор посельchan
Разносится вдали,
На розовый тимьян
Слетаются шмели.
И в пущах сентября
Колдует листопад...
Не нажил я добра,
А всё равно богат.
Богат на земляков,
На русский наш язык —
Текущий из веков,
Сияющий родник.
Сокровище моё —
Родная сторона,
Топор, пила, ружьё,

И плуг, и борона!
Когда-нибудь к тебе,
Как дикий серый гусь,
На солнышко в избе
Я всё-таки вернусь...
Вернусь к своим полям,
В густые кедрачи...
И внуку передам
От родины ключи.

Последний поклон

Стройная церквушка
На пустынном лбу.
Плачется кукушка
На свою судьбу.

Где-то за хребтами
Тает скорбный звон.
Тиной с Лены тянет —
Обмелел затон.

Навевает птица
Думы о былом,
А церквушке снится
Голубой псалом.

На могилках здешних
Заросли кресты...
Ты прости нас, грешных,
Господи, прости!

Об авторе: **Анатолий Константинович Горбунов** родился 16 марта 1942 года в большой семье на Лене-реке, в деревне Мутиной Киренского района. Рано пошел работать: пастушил, пилил лес, охотничал, ходил на пароходах кочегаром и механиком, летал на самолетах бортрадистом, был начальником радиостанции... Первые стихи напечатал в киренской газете «Ленские зори», затем публиковался во многих российских газетах и журналах, коллективных сборниках. Автор книг: «Чудница» (1975), «Осенцы» (1980), «Тайга и люди» (1982), «Звонница» (1985), «Перекаты» (1988), «Сторона речная» (2004), «Ключики-замочки» (2005), «Серебряное эхо» (2006), «Рыбаки-охотники» (2008). С 1967 года живет в Иркутске.

ЗАГОВОРЫ ВЕРХОЛЕНСКОГО ОКРУГА*

Молитва священномученику Сентипе (Антипе) от зубной болезни

Взять воску, ладану и соли, и на оную говорить и по окончании отдать больному приложить на зубы. «От архиерея божия священномученик христов Сентипе приближен иже апостолам со престольным со святителем слова, ты архиерею церковное бысть светило и утверждение веры сопротивными, богооборец дерзновенно Христа исповеда и себе принесешь яко кадило благоговейно, яко агнец незлобив и мученик и приведе (не разобрано) вражен всех святителю молитвы благодарственных в нем Богу и отцу возсылаю, яко солнце и мучением своим томителя велиара до конца сокрушив ради Христос тебе прослави на земли, всю вселенную и осенив тебе данною благодатию страждущих в неутешимой зубной болезни целебны и подаянии непрестанно призывающим тя с верою, услыши мя грешного раба твоего, имя рек, в час сей, с верою тя призываша и моления тебе приносяшу ходатаю и молитвеннику к Богу прилагаю по сем рцы с умилением архиерею божию, священномученице христовы Антипа услыши мя грешного раба твоего, имя рек, в час сей и тебе моление приношу, помолися о мне грешном о упщении грехов моих и нестерпимая и неутешимая зубная болезни, избави мя молитвами Антипе твоими». При сем три поклона великие.

Молитва, охраняющая от порч колдунов и колдуний

Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь.

Коренья земаю худая, дума, худы слова и речи, отыдите злому человеку назад навстречу, — прямо в глаза и в кругом головы, в губы, и в зубы, и в гортантъ его, в сердце и в печень, и в горячую кровь, в жилы, в суставы и в ребра, тому же лиху человеку булатный нож в сердце, дресвяный камень в зубы, ежева шуба на плечи, шаршава шуба на плечи, чтобы ему не вздумать, не ступить, и нейдти, замыкаю у злого человека уста его, губы и зубы зам-

* Печатаются по: Заговоры Верхоленского уезда // Сибирь. 1883. 3 июля (№ 27). С. 6–7.

ком булатным, прогоняю злого человека крестом животворящим и четырем евангелистами, Лукою, Марком, Матвеем и Иоанном и сыном человеческим, на мне на рабе божием и на нас святый Дух в почии и святая Троица славиша и прославляется всегда ныне и присно и во веки веков, аминь!

Молитва на открытие воров, похитителей

Великий четверг взять воды, сквозь ружейнова дула, вечернею и утреннею зарею и в полночь по 3 раза натенуть, и тогда ворожить, на воду смотреть.

«Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Стану я раб божий благословясь и перекрестясь и пойду из ворот ворота; месяцем подпояшусь, звездами отычусь, святою росою умоюсь, пеленою трусь, эта пелена лежит на божием престоле, тут лежит рат камень, принимай питье ежу, оправь праваго, окажи виноватаго, я погляжу во святую росу и воду; святая вода и святая роса, оправь праваго и окажи виноватаго».

Молитва, охраняющая порчи ружей и вообще охотничьих снарядов

Господи Иисусе Христе, сыне божий наш, помилуй нас, во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь.

Стану я раб божий, имя рек, и пойду благословясь в чистое поле и встречу четыре евангелиста Матвея, Марка, Луку и Иоанна Богослова и помолюсь я раб божий, имя рек, святым четырем евангелистам Матвею, Марку, Луке и Иоанну Богослову. Оберегите мои Господи рыбную ловлю, сети, режь звериную, стрельчую пищаль, и свинцову пулю, замок, и курок, и кремень, и огниво, и порох, от ведомства от всякия враждия силы, как бегают бесы темные от ладану, також бегают от меня стрельчия пищали бесы темные и словеса неподобныя, дела святителя Христова, Николая избавил. Еси из темницы тридцать мужей и трои мужа из потопы. Також Господи избавляй мою стельчу пищаль, и порох, замок, и курок, кремень, и огниво, и закрывай Господи меня раба божия, имя рек, и мою стрельчую пищаль, Христовы четыре евангелиста Матвей, Марк, Лука и Иоанн Богослов, Святитель Николай! Накормите мою стрельчую пищаль большим зверем, и малым, большими и малыми боровскими и водяными большими.